

КАЗАХСКИЙ ЭПОС

КОБЛАНДЫ-БАТЫР

Рассказ о том как появился на свет Кобланды

Один из самых досточтимых и знатных кипчакских баев Тохтарбай слыл тем редким степным владыкой, которому неведомы такие человеческие качества, как жадность и корыстолюбие. Летом он, кочевал вблизи прозрачного озера Каздикольди, которое издавна облюбовали себе белоснежные лебеди, зиму проводил на южных склонах гор Караспан, в тех самых местах, где травы густы в любое время года, и, как бы ни складывались дела, Тохтарбай всегда делился с дальними и ближними соседями всем, чем обладал сам, притом делился не скупясь, с легким сердцем.

Но не одним богатством жив человек. Была своя печаль и у такого, казалось, твердо стоящего на земле человека, каким являлся Тохтарбай. Годы давали себя знать, Тохтарбаю давно перевалило за седьмой десяток, поседела некогда густая борода, потом поредела, а у бая так и не появился наследник. Не прозвучал в его просторной и богатой юрте звонкий детский голосок. Тяжелый вздох вырывался из груди Тохтарбая, когда на летних джайляу он видел своих сверстников в шумном окружении сыновей, внуков и правнуков; старику казалось, что судьба наделила счастьем всех, обошла только его. Болело сердце.

«Какая польза от моего неисчислимого богатства?— все чаще и чаще думал Тохтарбай, одиноко озираясь вокруг.— Что толку от сокола, не взлетевшего на вершину Караспана? Не взлетел, значит, не познал высоты... Что толку от быстроногого тулпара, если после него не останется достойного потомства? Его забудут завтра же... Какой прок от жизни, если в дни болезни я не слышу заботливого голоса моего сына».

Тяжелые мысли давили на сердце, озноб пробирал дряхлеющее тело, и горькие слезы одиночества стекали по жидкой бороде. Однажды Тохтарбай сидел в тени юрты и, как обычно, предавался своим горьким мыслям, когда из-за неплотно притворенных дверей донесся жалобный голос жены, заставивший его содрогнуться. Аналык полагала, что муж отошел от юрты, не слышит ее, и тоже изливала свое горе. — О, покровитель жаждущих! Когда ты благодетельствуешь нас своим вниманием? Сколько нам еще лить слезы, моля о единственном ребенке?..

Не выдержал Тохтарбай причитаний жены, расстегнул свой нарядный, отделанный серебряными пластинками пояс, закинул его по степному обычаю на левое плечо и тоже простер руки к небу: — О, создатель, за что ты так сурово караешь нас? Зашаталось знамя судьбы, искрошилась гора ожидания... Нет больше моих сил! Обрати на нас, обездоленных, свой взор!..

В тягостных размышлениях о будущем, в непрерывных слезах проходили дни несчастной семьи. Печалились сородичи, видя непосильные страдания Тохтарбая и Аналык, успокаивали их добрым словом. И, может, в благодарность за то, что кипчаки были едины в столь тяжелые дни, недаром ведь говорят, всенародное желание — полноводная река, а может, возымела действие чистая глубокая печаль старой супружеской пары, но судьба вдруг однажды повернулась к ним лицом.

В свои пятьдесят лет Аналык нежданно-негаданно зачала, стала тяжелеть.

Просветлело лицо старого Тохтарбая, ожили глаза. Зачастил он к холму, возвышавшемуся за аулом, и долгими часами просиживал в одиночестве на его вершине, воздавая хвалу и благодарность всевышнему. — О, создатель, прими слова моей признательности!— бормотал старик, бездумно и счастливо улыбаясь.— Выпита чаша — остались капли, прожиты годы — остались дни жизни... Благодарю тебя, что увидел безутешные слезы мои!.. Нет у меня большего желания, чем дожить до благословенного дня, когда Аналык разрешится. Лишь бы увидеть продолжателя рода моего!

Недолго свершиться доброму делу, если оно благословлено самим всевышним. Наступил срок, и в юрте Тохтарбая раздался захлебывающийся детский крик. У старика, сидевшего на холме, от счастья чуть не помутился рассудок. Не в силах подняться на ноги, он на четвереньках скатился с холма, а навстречу ему уже бежали и стар и млад.

— Суюнши! Подарок за добрую весть!— кричали они наперебой.— Суюнши!..

— Одним пастухом стало больше!

— Одним табунщиком...

— Поздравляем с сыном!

— С дочерью!

Тохтарбай взирал на приближающихся к нему родичей с блаженной улыбкой на лице:

— О, творец, что они говорят? Сын или дочь?.. Или я ослышался?

— Сын у вас, дедушка!— вскричала, подбегая, молодая стройная женщина.— Сын!

— Дочка, дедушка!— взволнованно произнесла, выступив из-за спины подруги, другая женщина.— Крошечная, как куколка!

Тохтарбай ничего не мог понять, у него словно язык отнялся, и он лишь покачивал головой в ответ, соглашаясь со всем, что ему говорили. И никак не мог старик унять дрожь, от которой сотрясалось все его тело. Только спустя некоторое время молодая женщина, поздравившая его первой, догадалась о причине столь странного молчания старого Тохтарбая.

— Ойбай-ау, дедушка, как это мы позабыли?— удивленно цокнула она языком.— У вас двое детей! И сын и дочь! Близнецы!..

Слезы брызнули из глаз Тохтарбая.

— Спасибо, милые мои! Дай вам всевышний счастья! Берите в подарок все, что пожелаете, что привлечет ваш взгляд. Буду только рад, если возьмете побольше!..

Тохтарбай склонился, взял полные пригоршни земли, приложил ее к своему лбу.

Долгожданных детей своих Тохтарбай нарек звучными именами — Кобланды и Карлыгаш — и послал гонцов во все четыре стороны света, созывая гостей на торжества, посвященные радостному случаю. На той было приглашено все мужское население края, начиная с девятилетних мальчишек и кончая девяностолетними старцами. Потчевал Тохтарбай своих гостей, не жалея дорогих яств и угощений, одарил всех, кто приехал к нему и разделил его великую радость.

Теперь в доме Тохтарбая и Аналык потекли счастливые дни, полные хлопот и забот, связанных с воспитанием детей. В день, когда Карлыгаш впервые засмеялась, Аналык созвала всех аульных женщин и украсила шею каждой золотым ожерельем, а когда Кобланды встал на еще не окрепшие ножки, Тохтарбай отпраздновал это событие тем, что собрал девяносто мальчишек и заколол им на угощение девять ярок.

На радость родителям дети росли и крепили день ото дня. Десятилетнего Кобланды—широкоплечего и рослого мальчика — несведущие люди принимали за юношу. Тохтарбай ничего не жалел для того, чтобы сын вырос сильным и смелым джигитом, он велел поймать и привести из табуна темно-гнедого иноходца; заказал трем известным умельцам смастерить дорогую сбрую и седло. Следуя древнему обычаю степи, Тохтарбай сам набросил на спину гнедого попону, собственноручно оседлал его и подвел скакуна, сверкающего сбруей, к сыну. Кобланды взлетел на коня и тут же пустил его стремительной иноходью. Тохтарбай долго смотрел вслед сыну, и в глазах его, засветившихся гордо, блеснули слезинки. Губы его беззвучно шевелились, старик бормотал слова благодарности судьбе, и горячие слезы счастья неслышно падали ему на грудь.

Как-то раз Кобланды вскочил верхом на коня и обратился к отцу, отдыхавшему в тени юрты:

— Отец, от табунщиков давно уже нет вестей. Что, если я навещу их? Побываю у них в косах? Вы не беспокойтесь, долго не задержусь. Тохтарбай начинал скучать по сыну и не находил себе места, едва Кобланды исчезал из виду. Но сколько можно было держать возле себя взрослого не по годам мальчика? Да и видел Тохтарбай, что сын тщательно собрался в дорогу: на одну руку посадил любимого ястреба, на другую надел стальной щит. Старик скрепя сердце провел ладонями по лицу, благословляя сына в дорогу.

Батыр Естемис, под рукой которого ходило девяносто табунщиков, решил показать Кобланды лошадей, выпасающихся на вольных пастбищах. Завидев рядом с батыром Естемисом юного хозяина Кобланды, табунщики спешили им навстречу, оживленно и радостно приветствовали и наперебой звали их погостить в косах.

Кобланды не удалось сразу же вернуться домой, как обещал отцу. Мальчику, совсем недавно томившемуся в ауле от скуки, вольное житье табунщиков показалось сплошным праздником. Он не замечал, как летит время. К тому же батыр Естемис, считавшийся искусным воином, взялся учить его наездничеству и искусству владения оружием. Секреты конного боя, которые Кобланды освоил с помощью батыра, очень скоро пригодились ему. В степи во все времена не переводились конокрады, которые не прочь подстеречь и угнать отбившихся от табуна стригунков. Одна из схваток с отчаянными барымтачами, которая закончилась захватом шести из них в плен, заставила Кобланды увериться в своих силах и еще больше пристраститься к вольной степной жизни.

Вскоре Кобланды занялся охотой, это занятие и вовсе пришлось ему по душе. Еще затемно они с Естемисом садились на коней и уходили в степь, взлетая на холмы и прочесывая долины. Быстроногая гончая и стремительный серый ястреб Кобланды не упускали ни зверя, ни птицы. Лицо Кобланды почернело от солнечных лучей, кожа задубела от сухих ветров; мальчик заметно окреп за лето, налился силой, возмужал. Однажды в конце лета Кобланды с Естемисом шли по следу рогача-сайгака, шли долго, перевалили несколько холмов. Наступил час намазшам — вечерней молитвы, когда рогач на мгновение показался на вершине дальнего холма, но этого момента оказалось достаточно, чтобы просвистела стрела,— рука Кобланды была верной. Мальчик приторочил добычу к седлу, затем охотники повернули к ручью с холодной и чистой водой, чтобы дать коням немного отдохнуть.

Отгорел закат, и на сумеречном синем небе зажглась первая звездочка. До слуха Кобланды донеслись далекие и смутные, словно из-под земли, голоса. Кобланды напрягся, будто почуял что-то неладное, и ухватил за руку Естемиса, только что присевшего у ручья.

— Дядя Естемис, что за странные голоса? Вы слышите? Естемис молча высвободил руку и, полуотвернувшись от него, молча покачал головой, как бы говоря, что ничего не слышал.

— Как же вы ничего не слышите?— загорячился Кобланды.— Какие-то голоса... Кажется, доносятся из-за той высокой горы!— Мальчик показал на темнеющие вдали высокие зубчатые вершины.— Что это там?

Естемис глубоко вздохнул. Он знал, что мальчик не отстанет от него, пока не добьется своего.

— Было бы лучше, если б ты ничего не знал, дорогой Кобланды,— заговорил он глухим голосом.— За этими горами лежит страна кызылбасов. Это древняя и богатая страна, Кобланды. Зеленые поля, полноводные озера, прозрачные реки, необозримые просторы, густые леса... Правит страной хан Коктим-Аймак. Он делает все, что ему взбрдет в голову. С недавних пор хан придумал себе новое развлечение. Он объявил о том, что выдает замуж свою единственную дочь Кортка-сулу, девушку необыкновенной красоты. Но тому, кто пожелает получить руку и сердце Кортка-сулу и в придачу богатое приданое красавицы, надо непременно выполнить условие, которое поставил перед женихами хан Коктим-Аймак. Условие же такое: жениху нужно сбить стрелой золотую монету, подвешенную на высоком шесте. Надо иметь твердые руки и обладать зорким глазом, чтобы попасть стрелой в золотую монету, едва видную в поднебесной высоте. Эти голоса, стоны и крики доносятся оттуда, где соперничают друг с другом горе-женихи. Не хотел я рассказывать тебе об этом... Ну да ладно, услышал и позабудь. Не надо пытаться судьбу, мой мальчик! В народе не зря говорится: голос одинокого не слышен. Пусть там, за горами, делается что угодно, нас это не касается. Нет у нас на плечах лишней головы.

Кобланды беспокойно заерзал, как только услышал о красавице Кортка-сулу и о необычных состязаниях, которые затеял хан Коктим-Аймак. Резким движением поднял свой двурогий лук, лежащий на земле.— Дядя Естемис! Кто сказал, что мальчику нельзя попытаться счастья?— воскликнул Кобланды, опускаясь на колени перед батыром.— Если то, что я метко стреляю,— правда, то именно я и собью золотую монету! Всевышний поддержит меня, а вы пожелайте мне удачи! Батыр Естемис замотал головой.

— Нет, Кобланды!—заговорил он снова, пытаясь все же отговорить Кобланды от опрометчивого шага.— Не окрепло еще твое тело, чтобы состязаться наравне с настоящими батырами. Поверь, я удерживаю тебя не от попытки найти свое счастье! Мне жаль твоей головы, мальчик! В богатой стране всегда много дерзких, а кызылбасы к тому же народ горячий. Как только увидят, что ты пришел один, тут же ополчатся на тебя! От них всего можно ожидать... Но больше всего я опасюсь знаменитого Кызыл-ера,

ростом в сорок пять аршин, который, как я слышал, равнодушен к Кортка-сулу. Не думаю, чтобы он кому-нибудь ее уступил.

— Вы сказали — Кортка-сулу?—переспросил Кобланды.

— Да, ее зовут Кортка-сулу, что значит «красавица Кортка». Но я говорю сейчас о Кызыл-ере. Выкинь из головы глупые мысли, не огорчай нас, Кобланды!

Но уговоры батыра не поколебали юного Кобланды. Напротив, чем больше убеждал его Естемис, прося поостеречься, тем больше разгорались глаза Кобланды, трепетали его ноздри, будто он уже шел в атаку на грозного соперника, не желая уступать ему Кортка-сулу. Кобланды стал перед батыром на оба колена и протянул к нему руки:

— Благословите меня, дядя Естемис! Умоляю вас! Я верю, что все семь покровителей святых не оставят меня, поддержат в трудную минуту. Не откажите в моей первой просьбе и не удерживайте меня. Поеду к кызылбасам, хотя бы взгляну на эту невиданную красавицу! Видя, что Кобланды не удержать, Естемис отвязал от седла коржун, достал из него стальную кольчугу и надел ее на Кобланды. Подвесил к поясу Кобланды острую булатную саблю, перекинул через плечо тугой лук. Потом три раза поцеловал Кобланды в лоб.

— Ну что ж, в добрый путь, мой мальчик!— промолвил он, подведя к Кобланды коня.— Пусть сердце твое не изведает страха! Да исполнятся все твои сокровенные желания! В добрый путь, Кобланды, и пусть будет скорым твое возвращение в родные края!

Первая схватка

Грохот копыт сотрясал землю. Конь мчался, поднимаясь на вершины холмов, подминая под себя долгие низины. Наплывали и оставались за спиной горы, легко, играючи проходились неприступные перевалы. Желтая пыль, напоминающая взбитый пух, поднималась к небу и как будто призрачным мостом соединяла горы, встречавшиеся в пути. Наконец Кобланды ступил на зеленые просторы соседней страны. Неистовый грохот копыт его могучего коня заставил на миг умолкнуть бесчисленное множество кизилбашей, наводнивших, казалось, весь подлунный мир. Мощь одинокого всадника, несущегося на них, не ведая страха и сомнения, была настолько очевидна, что невольно сжались сердца кизилбашей. Все замерли. Перед отвагой юного Кобланды сник даже всесильный хан Коктим-Аймак, он сошел с трона, вышел навстречу батыру, почтительно приложив к груди руки:

— О, казахский батыр, приветствую тебя!

— Приветствую тебя и я, великий хан! — ответил Кобланды. — Услышал весть — не мог усидеть дома. Как говорится, нет живой души, которая жила бы без мечты, нет человека, который бы не стремился к своей мечте.

Устремился за ней и я. Не хочу уступать своего череда.

— Я согласен, юный батыр. Попробуй и ты счастья.

Кобланды привстал на стременах, быстрым движением вынул из колчана стрелу с наконечником, шириной с ягнячью лопатку, и прикоснулся к ее острию губами. Затем тщательно приладил пятку стрелы к тетиве из прочной кожи и, моля всевышнего не покинуть его в трудный час, стал поднимать вверх лук. До отказа натянул тетиву правой рукой, прицелился в едва мерцающую в вышине золотую монету величиной с ноготь. Просвистела стрела, раздался едва слышный звон: монета раскололась пополам. Осколки ее взлетели вверх и, блеснув в лучах солнца, устремились вниз, пропали в ярком свете.

Кизилбаши охнули, видя удачу юного незнакомца. И взоры всех обратились к Кортка-сулу, ожидая, что она скажет.

Когда подъехал Кобланды, белолицая Кортка-сулу, подобная молодой, только что народившейся в небе луне, стояла в окружении девушек-воинов. Юный батыр привлек ее внимание с первого же взгляда. А когда Кобланды заговорил с ее отцом, как равный с равным, когда лицо юноши обрело решительность и мужество, а плечи расправились, когда батыр повел вокруг горящими глазами и быстрым, почти неуловимым движением извлек из налучника лук, девушке показалось, что сердце ее сейчас вырвется из груди. Кортка-сулу затрепетала, тихим звоном отозвались ее изящные золотые украшения; девушка, широко раскрыв глаза, смотрела, как готовится к состязанию Кобланды, и внутренне молилась за него. Она хотела, чтобы он сбил монету. Радости ее не было предела, когда Кобланды попал в цель. Не чувствуя под ногами земли, Кортка-сулу подошла к батыру и, следуя древнему обряду, осыпала его пригоршней золотых и серебряных монет, поздравляя с победой.

Кобланды резко обернулся и встретился с улыбающимися ясными глазами девушки. Длинные черные ресницы ее тотчас смущенно опустились, скрывая взгляд, но все уже было ясно без слов. Молодые увидели друг друга, и короткие взгляды их были не чем иным, как взаимным объяснением. Кобланды поблагодарил девушку легким поклоном, а Кортка-сулу повернулась и, покачивая гибким станом, направилась во дворец. Как только Кортка-сулу очутилась в покоях, она пригласила к себе любимую тетушку и попросила передать отцу ее пожелание. И внешность, и ум молодого батыра пришлись мне по душе,— сказала она тетушке.— Передайте отцу, если он и вправду желает найти мне достойную пару, то такой человек нашелся. Я полюбила казахского батыра и прошу отца сдержать свое слово.

Хан Коктим-Аймак сидел на троне, не зная, что предпринять. Удасть юного батыра понравилась старому хану, но отвага его сеяла в душе тревогу. Все-таки Кобланды— чужеземец, размышлял хан, нельзя на него полагаться. Но слово, объявленное им самим всенародно, сковывало, связывало его теперь, словно путы. Дело решило пожелание дочери, высказанное довольно твердо. Коктим-Аймак не стал нарушать своего обещания: объявил о том, что выдает дочь Кортка-сулу за казахского батыра Кобланды, выполнившего требование хана.

Начались пышные свадебные торжества, посвященные соединению двух юных сердец. Молва об угощениях, щедро выставленных ханом, о

невиданных конных скачках и соревнованиях палуанов пошла гулять из аула в аул, разошлась по всему свету. Однажды, когда Кобланды сидел со своей невестой в юрте, молодым передали весть от сорокапятиаршинного Кызыл-ера.

Хотел бы я взглянуть на этого зарвавшегося баламута Кобланды!— передал Кызыл-ер.— Если Кобланды и вправду вздумал добиваться руки Кортка-сулу, пусть сперва померится со мной силами. Выиграет у меня, как перед богом говорю, не стану оспаривать Кортка-сулу. Но вряд ли он осилит меня... Как я слышал, у него еще молоко на губах не обсохло... Было бы лучше для него убраться восвояси: хоть голову унесет на плечах. Кортка-сулу изменилась в лице, услышав угрозы Кызыл-ера. Только что искрившиеся глаза погасли, щеки побледнели, обозначились резче; она судорожно вцепилась в руку Кобланды, будто Кызыл-ер находился рядом и собирался сейчас же разлучить их.

Ну, чего ты напугалась?— весело рассмеялся Кобланды, глядя на свою невесту.— Разве не знаешь, что такие великаны чаще всего оказываются сильными лишь на словах? От пустой бочки, говорят в народе, шума больше. Не в моих правилах терпеть врага за спиной. Кобланды надел доспехи, взял свое оружие и вышел из юрты.

Кызыл-ер безмятежно возлежал на деревянном ложе, до отвала насытившись мясом, поданным слугами в нескольких огромных астау — деревянных блюдах; мясо он запил холодным кумысом. Кызыл-ер не любил, когда его тревожили по пустякам. Но сегодня он находился в добром расположении духа. Слуге, испуганно вбежавшему в дом, можно сказать, повезло; Кызыл-ер и глазом не повел в его сторону. - Ойбай! Там пришел какой-то молодой воин!..— выпалил между тем слуга.— Не воин, а настоящий лев!.. Страх берет от одного взгляда на него! Кызыл-ер рассмеялся гулким смехом, раздавшимся звук, будто кто-то перекатывал по камням пустую бочку, обтянутую сухой верблюжьей шкурой.

Несчастный, напугался, увидев какого-то мальчишку!— Кызыл-ер лениво перевернулся на другой бок: под-огромным телом заскрипели доски.— Неохота мне подниматься из-за какой-то стрекозы. Если он так храбр, что заявился к моему жилью, пусть войдет в дом! Дуну я на него — он вылетит обратно.

Кобланды, видя, что Кызыл-ера не докличешься на поединок, не выдержал и вбежал в дом.

— А-а, так это ты пищал за моими дверьми, словно сурок?— Кызыл-ер небрежно двинул подбородком в сторону Кобланды, не достаивая его взглядом.— Ну-ну, повизжишь ты у меня сегодня!.. Ну, ладно, малыш, я только что пообедал, и лень одолела меня. Да ты не дуйся! Я найду для тебя дело. Вот, если силенок хватит, поборись с моей ногой. И Кызыл-ер, посмеиваясь, поднял кверху толстую, будто дуб, правую ногу. Кобланды вскипел весь от неслыханного оскорбления. Глаза мальчика налились кровью. Он лихорадочно оглянулся вокруг и увидел волосяной аркан, длиной в шестьдесят кулашей, который был собран в кольца и висел на косяке двери. Кобланды сорвал аркан с гвоздя, в одно мгновение накиннул петлю на правую ногу Кызыл-ера, шагнул за порог, вскочил на коня, пустил его с места вскачь. Не ожидавший такого оборота событий Кызыл-ер оперся о землю обеими руками и попытался было вырваться из петли, но от резкого толчка ударился головой о порог. Оглушенный, он больше не мог противостать Кобланды и огромной, обмякшей тушей потащился за стремительно скачущим конем, оставляя за собой глубокую борозду на земле. Густая пыль поднималась за ним к небу.

Кобланды прихватил конец аркана ногой, плотней прижал его коленом к боку коня и поскакал к зарослям. Колючки разодрали жирную тушу Кызыл-ера, вонзились ему в легкие и почки. После этого Кобланды бросил скакуна высоко в горы, затем погнал его вниз, в ущелья. Раскалывались на мелкие кусочки валуны, попадавшие на пути, от огромной туши Кызыл-ера, разлетались на мелкие щепки вековые деревья, которые не в силах был вырвать даже ураган. Пронзительный крик кизилбаша, раздавшийся в долине, взлетел над горами; стон, который он исторгнул из груди, пересчитывая боками камни в горах, заполнил долины. Спустя некоторое время Кызыл-ер судорожно дернулся раз-другой и навеки затих. Кортка-сулу, не находившая себе места с тех пор, как Кобланды поехал к Кызыл-еру, стояла на холме и всматривалась в степь, когда вдали показался всадник. Это был Кобланды, который тащил на длинном аркане мертвое тело своего соперника. Поднимая столб пыли, он поскакал к холму и, будто тушу козла, отвоеванного на кокпаре, бросил тело Кызыл-ера перед Кортка-сулу. Она вскрикнула от радости и со всех ног побежала к отцу, торопясь сообщить ему о победе своего жениха над грозным Кызыл-ером.

Облегченно вздохнул и Коктим-Аймак, потерявший покой и сон от страха. Он понимал, что в случае победы Кызыл-ера ему не сносить головы за то, что решил отдать свою дочь за чужеземца. Отлегло у хана от сердца, когда он увидел наконец поверженным человека, который не считался с ним и грозился даже лишить его престола. Коктим-Аймак повелел продолжать пиршество, и торжества разгорелись с новой силой. Глубоко удовлетворенный бесстрашием своего зятя, хан Коктим-Аймак решил проводить дочь Кортка-сулу к своим новым родственникам с особенными почестями.

В приданое дочери хан Коктим-Аймак дал юрту, отделанную снаружи серебром, а внутри расшитую золотом, распорядился навьючить казну на сорок красных могучих наров, а в прислуги молодым выделил сорок рабов и сорок рабынь. В час раннего утра, едва погасла звезда Шолпан, небольшой, но богатый караван вышел с дворцовой площади и направился на родину Кобланды.

Хан Коктим-Аймак в сопровождении своих нукеров проводил молодых на расстояние ягнячьего перехода.

- Сын мой!—сказал он, целуя на прощанье Кобланды в лоб.— Запомни, ты дорог мне не меньше моей единственной дочери. Тебе я обязан тем, что обрел на старости лет спокойствие. Приданое Кортка-сулу получила сполна. А вот перед тобой я в долгу, сынок. Хочу расплатиться с тобой. Взгляни на небо, сын мой! Видишь четыре тучки, собравшиеся вместе? Их я отдаю тебе. Не удивляйся, Кобланды, сначала узнай, в чем суть моего подарка. Не думай, что это обыкновенные летучие тучи, каких немало в природе. Нет, они необыкновенные. Летом одна из них родится на солнечной стороне и заслонит тебя от опаляющих лучей. Другая появится зимой с подветренной стороны и защитит тебя от холода. Третья будет лететь над врагом, это послужит для тебя сигналом о надвигающейся опасности. Четвертая станет символом дружеских уз двух наших народов. Вот что я хотел тебе сказать на прощанье, мой сын. Передай мои приветствия и добрые пожелания моим сватам — Тохтарбаю и Аналык. Доброго пути, дети мои! Караван, растягиваясь, направился в сторону далеких гор Караспан. Кобланды на темно-гнедом держался впереди. Он несколько дней не сходил с седла.

Время от времени Кобланды подъезжал к повозке с крытым золоченым верхом, запряженной парой бурых лошадей, на которой, скрывая ясный лоб от солнечных лучей и белое лицо от степных ветров, ехала Кортка-сулу, справлялся о ее настроении и снова удалялся от каравана. Он торопился в родные края, которые покинул впервые в своей жизни. Однажды в полдень на пути каравана встретился многочисленный табун. Встревоженные караваном лошади, беспокойно фыркая, раздались по обе стороны, освобождая дорогу. Кортка-сулу выглянула из повозки и быстрым взглядом окинула лошадей. Табун весь был из тучных нежеребых кобылиц, коней, на которых хоть сейчас вскочи и мчись в бой, из жеребцов, способных выдержать самый долгий, изнурительный поход. Это был табун, каких поискать по белу свету, невозможно было глаз оторвать от него. Кони часто фыркали и стригли ушами, нетерпеливо били передними ногами землю. Кортка-сулу вдруг увидела в самой середине табуна серо-пегую кобылу, и тут же переменялась в лице. Будто какая-то неведомая сила коснулась ее. Она тотчас остановила повозку, откинула обтянутую шелком дверцу и, волнуясь, подозвала к себе Кобланды. Как только батыр подъехал к ней, Кортка-сулу вышла из повозки и, аккуратно ступая серебряными на тонких высоких каблуках кебисами по песку, обошла вокруг кобылы. Еще раз внимательно пригляделась к ней. Кобланды, чувствуя, что Кортка-сулу неспроста так приглядывается к лошади, подошел к ней поближе.

— Мой повелитель, не знаешь, кому принадлежит этот табун? — спросила его Кортка-сулу, дыша часто и прерывисто. Вид у нее был очень взволнованный.— Узнай, кто хозяин табуна, и во что бы то ни стало заполучи эту серо-пегую кобылу. Не отступай от своего, если даже ради этого придется отдать ему меня!

Кобланды улыбнулся.

— Ради тебя я рисковал головой, Кортка-сулу, и лишиться тебя из-за какой-то кобылы? Не дешево себя ценишь?—пошутил он, но тут же сказал серьезно: — Табун этот принадлежит моему дяде Салимбаю. Он души не чаял во мне. Если за время моего отсутствия не переменял свой нрав и не стал скрягой, то уж за одной кобылой он не постоит. Услышав ответ Кобланды, Кортка-сулу заметно успокоилась.

— Мой батыр!—обратилась она к Кобланды.— В народе говорят: конь — крылья джигита. Твой темно-гнедой не из настоящих боевых коней. Он растеряется, оказавшись в коварном вражеском окружении, бросит тебя под градом смертоносных стрел. Тулпар, достойный настоящего батыра, зачат в утробе серо-пегой кобылы. Выслушай меня внимательно, Кобланды! Если меня не обманывает чутье, эта кобыла принесет серо-чалого жеребенка, который, повзрослев, станет великим сиво-чалым скакуном. Ему уготовано стать твоим боевым конем, твоим самым близким другом.

Мое предсказание проверишь потом, а сейчас заполучи в свои руки серо-пегую кобылу.

Кортка-сулу отдала распоряжение остановить караван и ставить юрту. Кобланды, выполняя волю невесты, подъехал к косу и издали поприветствовал предводителя табунщиков Кара-Кожека. — Кожеке!—обратился он к старому табунщику.— Старшие братья всегда представлялись мне сродни высоким горам. Поэтому, ступив во владения моего любимого дяди Салимбаю, я остановился для того, чтобы оказать ему свое уважение. Поезжайте к Салимбаю, передайте, что Кобланды возвращается не один. Пусть посмотрит на свою невестку.— Кобланды улыбнулся и добавил:

— Ну, а на смотрины, как полагается, не приходят с пустыми руками. Я еду из далеких краев, на сорока могучих нарах везу добро и драгоценности. Пусть примет от меня поклажу одного нара, а если душа его пожелает, я готов отдать ему дорогой груз всех сорока верблюдов. А от дяди мне не надо дорогого подношения, пусть подарит мне серо-пегую кобылу. Кара-Кожек молча выслушал Кобланды, коротко кивнул и протянул камчой своего скакуна. Пыль из-под копыт его могучего коня взлетела навстречу ветру, и он скрылся из глаз в мгновение ока. Аула Салимбаю табунщик достиг очень скоро. Видя, с какой быстротой мчится из степи Кара-Кожек, Салимбаю выскочил из юрты, едва успев набросить на плечи чапан. Он подумал, что на табуны напали враги, и, суетясь, забежал перед юртой. Какова же была его радость, когда Салимбаю узнал, что вернулся Кобланды!—Ах, мой светоч Кобланды! —в умилении воскликнул он, услышав пожелание племянника.— Ты, я вижу, остался все тем же забавным ребенком! Чем тратить понапрасну слова, поймал бы в табуне эту кобылу и забрал себе на здоровье. Ради тебя не то что серо-пегую кобылу, жизнь свою готов отдать, мой милый! Передай, Кара-Кожек, моему племяннику, пусть

берет все, что ему понравится в моих табунах,— обратился Салимбаи к табунщикам.— Для меня не будет большей радости, если он похвалится моим подарком перед Тохтарбаем!

Кара-Кожек с той же молниеносной быстротой помчался назад, прискакал к табуну, поймал серо-пегую кобылу и подвел ее к Кобланды. Слово в слово передал он батыру пожелания Салимбая. Кортка-сулу вне себя от радости выпрыгнула из повозки и обняла гибкую, словно у гуся, шею кобылы, дотронулась ладонью до шелковистых губ животного, нежными пальцами провела по ее гриве. В час полуденной большой молитвы серо-пегая кобыла, идущая за повозкой на привязи, начала сбиваться с шага и натягивать поводок. Кортка-сулу остановила караван, видя, что кобыла собирается ожеребиться. Она, дрожа всем телом, постояла некоторое время на ногах и повалилась на землю. Кортка-сулу велела позаботиться о жеребенке, как только он появится на свет.

Жеребенок выглядел чалым, но Кортка-сулу понимала, что масть его проявится попозже, когда он станет на ноги. Радостно суетясь, она тут же сняла с себя золототканую накидку и, не давая жеребенку ступить копытцами на землю, завернула его, как ребенка, и подняла на руки. Подула ему в ноздри, чтобы раздать легкие, ласково понюхала его в лоб. Кобланды поразило трепетное отношение Кортка-сулу к жеребенку. Кортка-сулу повелела раскинуть над жеребенком шелковый ковер; никто не должен дотрагиваться до него, даже солнечный луч не должен упасть на серо-чалого жеребенка.

Кобланды отдал всю полноту власти в руки невесты, сам же следил за тем, чтобы слуги были проворны и аккуратно исполняли распоряжения невесты.

Караван остановился во владениях Салимбая надолго. Первые сорок дней Кортка-сулу поила своего любимца молоком кобылицы, впервые ожеребившейся, следующие сорок дней кормила молоком нежеребой. На девяностый день добавила ему в корм снадобье, изготовленное из красной травы, сделала это для того, чтобы шаг у него был широкий, а ход — стремительный, чтобы не брал его сап и не мучило удушье. В день только раз приоткрывала Кортка-сулу свод шатра и постепенно приучала жеребенка к свету. Воду для него готовила теплую, процеживала через полотенце и поила жеребенка из рожка.

Прошло девяносто дней, наступила еще одна ночь, за ночью забрезжил рассвет, и Кортка-сулу разрешила разобрать юрту, в которой жила. В час малой предвечерней молитвы она вывела серо-чалого жеребенка из шатра, накрыла его до самых копыт покрывалом из зеленого бархата, вышитого золотом. Серо-пегую кобылицу Кортка-сулу снова привязала к повозке, и караван продолжил свой путь.

С правой стороны белой юрты Тохтарбая расправила крылья юрта молодых. Не было конца радости старого Тохтарбая, увидевшего своего единственного сына Кобланды живым и здоровым. Старик с почестями принял невестку, поцеловал ее и благословил к новой жизни. Прошло некоторое время.

Однажды все семейство Тохтарбая собралось в большой юрте родителей. Старый Тохтарбай время от времени с любовью взглядывал на детей и незаметно рукавом смахивал с ресниц счастливые слезы. Умиротворение и счастье царили в доме. Неожиданно Кобланды встрепенулся, словно вспомнив что-то дорогое, выпавшее из памяти, повернулся к отцу и спросил:

— Отец, прошло немало времени с тех пор, как я не был здесь. Что с нашими лошадьми? Что говорят табунщики?

— От них ни слуху ни духу, сынок,— ответил старик.— Давно не было вестей. Кобланды решил осмотреть табуны. Он выпил полную чашу меда, и, оседлав коня, выехал из аула.

Солнце клонилось к закату, тени удлинились. Кобланды, несущийся на темно-гнедом, вскоре исчез из виду, как будто растворился в степном воздухе. Утром другого дня Кобланды увидел первые табуны, выпасающиеся на вольных лугах. Навстречу ему выехали табунщики, приветствуя его и расспрашивая о делах, здоровье и благополучии аулов. И снова, теперь уже надолго, увлекся Кобланды охотой. Вдвоем с Естемисом от зари до зари носились они по степи, бросая за зверьем то быстроногую гончую, то быстрокрылую ловчую птицу.

Тайбурыл

Дни за охотой пролетали быстро: едва успевала погаснуть утренняя заря, как уже сгущались сумерки, наступал вечер. Не зря говорят в народе: время скоротечно. Серо-чалый жеребенок, которого Кортка-сулу назвала Тайбурылом, вырос в стригунка с упрямо развевающейся на ветру челкой. В три года на лбу Тайбурыла обозначилась белая лысина, он стал сиво-чалым скакуном. Копыта его налились, стали крепче железа, и там, где, резвясь, проносился Тайбурыл, крошились камни.

В четыре года Кортка-сулу привязала к шее сиво-чалого скакуна шелковый аркан длиной в сорок аршин, который стелился за ним по земле: боевой конь не должен быть пугливым. Потом выбрала ему в подруги ладную, крепко сбитую двухлетку и пустила их в степь особняком от табуна: пусть Тайбурыл раздастся в костях, растет независимо, в своем особенном мире.

В пять лет Тайбурыла привели из степи, набросили на него узду и объездили.

И только после этого Кортка-сулу созвала лучших мастеров края, чтобы они изготовили золоченое с инкрустацией седло и богатую, отделанную драгоценными камнями сбрую. Оружейникам заказала меткое копье с древком из смолистой ели, булатную саблю с серебряными ножнами. Кортка-сулу хотела, чтобы оружие Кобланды было под стать Тайбурылу, обещавшему стать удивительным боевым конем.

В ту пору страной кизилбашей правил хан Казан, прославивший жестоким и алчным властителем. Он не давал покоя большим и малым соседним странам, принося им неисчислимые страдания. У него было огромное войско, которое сокрушало врагов и каждый день пригоняло рабов и скот, привозило со всех четырех сторон света награбленное добро. Редко кто был способен оказать достойное сопротивление хану Казану, и со временем он настолько поверил в свои силы, что задался целью завоевать весь мир. Однажды, выждав удобное время, он посадил все свое многочисленное войско на коней

и разом двинул его на земли ногайлинцев и казахов, с которыми давно враждовал.

Степняки, занятые мирным трудом, были застигнуты врасплох и на этот раз не устояли перед злой силой. Большинство взрослого населения было перебито, а оставшиеся в живых разбрелись кто куда, побросав дома, скот и все добро. Наступили черные дни. Матери теряли детей, дети лишались отцов, плач и стенания заполнили всю землю.

Воодушевленный успехом, хан Казан добрался до двух самых оживленных и больших городов Кырлы-кала и Сырлы-кала, расположенных в глубине степи, и занял их без длительной осады. Сырлы-кала, построенный на ровной долине, был открыт со всех сторон, и поэтому хан Казан решил обосноваться в Кырлы-кала. Он обнес его высокой крепостной стеной, окружил глубоким рвом, поставил сорок железных ворот, которые день и ночь охраняли шестьдесят бесстрашных батыров. Превратив город в неприступную крепость и почувствовав себя в полной безопасности, хан перевез в Кырлы-кала своих близких и придворных и зажил в нем припеваючи, не опасаясь нападения разрозненных степняков. Прослышав о захвате ханом Казаном казахских земель и городов, сел на коня и бросил клич молодой батыр Караман-Сеил-улы, гордость рода кият, насчитывающего сорок тысяч юрт. Услышав его клич, вскочили на коней батыры дальних аулов, те, кому была дорога народная мудрость, гласящая, что самое бесценное на свете — это единство и благополучие родного народа. Все они устремились в аул Карамана, где было решено держать совет, собраться с силами и сообща двинуться на заклятого врага. Кроме батыра Карамана, в аулах кият проживали еще четверо известных батыров. Непревзойденными воинами, умеющими подавлять волю врага, слыли Каракозы и Аккозы; бесстрашными ратниками считались Косдаулет Каржанулы, который один выходил против вооруженных до зубов полчищ и расправлялся с целым туменом, а также немногословный Кара-Букан, умеющий не только бить врага, но и находить единственно верную тропу на незнакомой стороне.

Задумавшись, сидел на холме сумрачный Караман-батыр, когда к нему подошли Каракоз, Аккоз, Косдаулет и Кара-Букан и опустили перед ним на одно колено, как поступают воины на военном совете. Вслед за ними

прискакали батыры, прибывшие из дальних аулов. Собралось около сорока тысяч всадников.

— Братья мои! — обратился Караман-батыр к воинам.— Враг напал на аулы, надругался над нашей честью. Нет предела его глумлению над невинными жертвами. Как поступим мы, воины, видя страдания народа, которым подверг его жестокий враг? Умереть бы от позора, да жизнь сладка; в могилу бы лечь от горя, да земля жестка. У каждого из нас своя голова, решайте, как поступать. Но, думаю, лучше погибнуть в тяжелом бою, чем остаться в живых, прослав трусом. Да и неужели мы не добьемся победы, если выступим все вместе и будем действовать сообща? Поручкой тому то, что вы сели на коней и собрались здесь! Но враг велик числом, и нас мало, друзья. И бесполезно идти против врага на свой риск и страх, в одиночку. Нужно призвать под наши знамена всех, кто способен держать в руках оружие, собраться с силами. Я хотел бы напомнить вам о многочисленном роде кипчаков, который живет на земле Караспан. Почему же забыт нами кипчакский батыр Кобланды? Он повзрослел за прошедшие восемь лет, и мы не имеем права не доверять тому, кто еще в юности заслужил самое горячее одобрение народа и самую высшую его похвалу. Я предлагаю двинуться на врага через Караспан, чтобы по пути встретиться с Кобланды-батыром и предложить ему присоединиться к нам. Если Кобланды пойдет с нами, мы превратимся в великую силу, которая сметет врага посильнее, чем хан Казан. Если же Кобланды найдет нужным не идти с нами, то мы попросим его благословить нас на бой. Мы с ним родились в один год и, думаю, одинаково воспримем беду, которая постигла наши степи и далекие города. Кобланды поймет нас.

Проникновенные слова батыра Карамана тронули всех: согласие было достигнуто быстро. Воины разошлись и приступили к подготовке, которая обычно предшествует далекому походу. В полдень другого дня воины провели общие военные игры, а спустя несколько дней, достигнув южных склонов Караспана, остановились на привал, чтобы еще раз проверить свои силы в состязаниях между собой.

Кобланды, уже несколько лет обитающий у табунщиков, выехал навстречу войску, увидев пыль, поднятую копытами тысяч боевых коней. Караман встретил своего сверстника впереди войска, в основном состоящего из киятов, и оба батыра уединились, чтобы поговорить с глазу на глаз.

- Ты, должно быть, слышал о вероломстве хана Казана?—обратился Караман-батыр к своему именитому сверстнику.— И если слышал, как понять то, что ты не поднялся навстречу врагу, как подобает настоящему воину? Или ты полагаешь, что еще не настал час подлинного испытания твоего мужества? Мы с тобой сверстники, и нам положено разговаривать друг с другом откровенно. Я знаю, что, если мы пойдем на хана Казана, сомкнув ряды, то от нашего грозного клича его воины рассыпятся, словно крикливые улары. Я вышел в поход, чтобы вернуть народу отнятое: его земли, города, детей. Направился через Караспан с намерением предложить тебе занять свое место среди батыров. За тобой завернули, Кобланды. А высказываю сейчас тебе свою печаль потому, что она переполнила меня всего. Чем обрадуешь нас, батыр, тигру подобный?

Кобланды выслушал Карамана-батыра, беспокойно ерзая, постукивая пальцами по кнутовищу. Не сразу заговорил он в ответ.

Уважил ты меня, батыр, завернув в Караспан,— отозвался Кобланды, тяжело вздохнув.— Но уважение твое оборачивается для меня тяжелой пыткой. Ты ждешь от меня немедленного решения, а моя воля в руках Кортка-сулу, в которую я верю, как в вещь. Она холит и растит моего коня, на котором мне суждено ходить на врага. А с невестой своей, дорогой мой сверстник, я не виделся вот уже шесть лет,— продолжал Кобланды, опустив голову.— Я не знаю, в каком состоянии мой конь. И если Кортка-сулу скажет, что сиво-чалый Тайбурыл еще не готов скакать под седлом батыра, делать нечего, я останусь здесь.

Караман-батыр выслушал Кобланды, не проронив ни слова. От обиды и негодования он словно онемел. Круто повернул коня и поскакал прочь. Сумрачный вернулся в свой шатер и Кобланды, видя, какое тяжелое впечатление произвел на Карамана-батыра его ответ. Придя к себе, Кобланды вызвал старого Естемиса и распорядился:

— Немедленно приведи Тайбурыла. Я собираюсь идти на хана Казана. Естемис проскакал всю ночь, достиг далекого аула, когда на востоке забрезжил рассвет, и, приблизившись к белой юрте, подал голос, обращаясь к Кортка-сулу:

- Милая сноха, душа моя, ты дома? Я твой дядя Естемис. Пришел с поручением от Кобланды.

— Говорите, дядя Естемис,— раздалось из юрты,— я вас слушаю. Милая сноха! Душа моя! Судьба вышла такая, я принес невеселую весть,— сокрушенно загобирчл Естемис.— Кобланды, наш лев, надумал пойти на врага. Конь ему нужен под седло; конь, оружие и доспехи... Не печалься, душа моя! Кобланды не один, вместе с ним идет Караман-батыр, который ведет против хана Казана сорокатысячное войско киятов. Я спрашиваю тебя, Кортка-сулу, душа моя, способен ли сиво-чалый Тайбурыл, которого ты холила целых шесть лет, идти под седлом батыра?

Слегка свесившись с седла и наклонившись в сторону юрты, Естемис с волнением ждал ответа Кортка-сулу. Приподнялась белая войлочная дверь, и Кортка-сулу вышла наружу. Естемис, впервые увидевший ее, застыл с открытым ртом. Словно бы не веря своим глазам, он оглядел Кортка-сулу с головы до ног: ему показалось, что он лицезреет не живого человека, а что-то сказочное, подобное луне. Это была дивная красота. Волосы, собранные на точеной голове, ослепляли блеском драгоценных камней, черные глаза лучились необыкновенным живым светом, подбородок и шея, казалось, были высечены из белоснежной слоновой кости. В златотканом воздушном халате, наброшенном на плечи, Кортка-сулу держалась столь непринужденно, что создавалось ощущение, будто она парит над землей. Игриво, свободно ступая, она подошла к Естемису, и, когда заговорила, старому табунщику, немало повидавшему на своем веку, показалось, что зазвенели серебряные монеты.

— Да, нерадостную весть вы принесли, дядя Естемис!— призналась ему Кортка-сулу.— И ответ мой вряд ли обрадует вас, дядя Естемис, родичей и тем более моего Кобланды. Но поскольку вы приехали за моим ответом, я не стану ничего от вас утаивать. Кобланды советуется со мной, за такой его шаг я готова пожертвовать своей жизнью, дядя Естемис, и я бы согласилась скорее пожертвовать собой, чем позволить кому-либо сесть сейчас на Тайбурыла. Передайте Кобланды: Тайбурылу еще рано под седло. Если он дорожит моим мнением, пусть воздержится на этот раз от похода... Подождет сорок три дня, в которых нуждается Тайбурыл, чтобы превратиться в тулпара.

Настоящий джигит, по-моему разумению, не должен желать зла своему другу. И я прошу вас, дядя Естемис, передать Караман-батыру мою просьбу: пусть он в свою очередь не принуждает Кобланды идти в поход.

Естемис не нашел слов, чтобы возразить. Он бросил на Кортка-сулу умоляющий взгляд, судорожно глотнул воздух, словно пытался выдавить из себя слово, но потом дал шенкеля коню и поскакал прочь. После того, как Естемис слово в слово передал Кобланды ответ Кортка-сулу, батыр поспешил к шатру Карамана.

— Мой друг!— обратился он к Караман-батыру.— Я думаю, мы не пойдем на поводу у дурного слова и не будем следовать за дурным языком. Доброе дело, говорят, плод ума. Искреннему порыву моему не дано, видимо, осуществиться: мои руки связаны, ноги — спутаны. Не осуждай меня, мой благородный друг, не понуждай меня сейчас идти в поход. По мнению Кортка-сулу, которая сама вскормила и холит Тайбурыла, коню нужны еще сорок три дня ухода. Я не смею пренебречь советом человека, в котором сам души не чаю.

В глазах Караман-батыра заиграли насмешливые огоньки. — Вон оно как вышло, Кобланды!— процедил он сквозь зубы.— Я советовался с тобой, как мужчина с женщиной, а ты бросил слова мои к ногам бабы! Ну, что ж, примем это за поступок мужчины, любящего свою невесту. И все-таки... Слышал ли ты когда-нибудь, чтобы батыр жил советами своей жены? Чем он сам лучше бабы, если всеми его поступками будет заправлять она? Поделом мне! Завернуть в Караспан и потерять драгоценное время ради того лишь, чтобы держать совет с человеком, который ходит на поводу своей бабы... Лучше бы я один пошел на многотысячное войско Казана!

От беспощадных, полных уничтожающей издевки слов араман-батыра Кобланды бросило в пот. Самолюбие его было уязвлено. Он смотрел вслед Караман-батыру, весь дрожа от злости и бессильного гнева, и пот крупными каплями стекал с окаменевшего лица на грудь. Когда батыр от бессильной ярости заскрежетал зубами, желваки, вздувшиеся на скулах, заходили, словно бурные волны. Размашистым шагом подошел он к шатру, не мешкая оседлал темно-гнедого и черной птицей взлетел на него. Хлесткий удар зубастой камчи бросил гнедого вперед, как стрелу...

Кортка-сулу вскочила с места и распахнула двери, едва до ее слуха донесся неистовый топот темно-гнедого. Приподняла дверной полог и замерла у порога, словно в забытьи. Она поняла, в каком состоянии мчится в

аул Кобланды, и от ее лица отлила кровь: щеки мертвенно побледнели. Руки невольно упали, и войлочный полог с громким стуком опустился перед ней. Подождав немного, Кортка-сулу судорожным движением сдвинула край кошмы, прикрывающей решетку юрты и прильнула к щелке. Темно-гнедой мчался во весь опор, и пыль поднималась за ним далеко позади. В правой руке Кобланды сверкала сабля, а левой он нещадно стегал коня камчой. Кортка-сулу в смятении забегала по юрте, наступила на подол длинного платья, упала, тут же поднялась на ноги, и в этот момент ее взгляд упал на Тайбурыла, стоявшего на привязи в левой стороне юрты. Ее осенила мысль. Кортка-сулу отвязала скакуна, набросила ему на шею аркан и вывела наружу.

Мрачный, как туча, Кобланды уже находился рядом с юртой, у него был вид человека, от которого нечего ждать добра. Но стоило батыру увидеть горячившегося Тайбурыла, как гнев его словно рукой сняло. Он позабыл обо всем на свете.

Тайбурыл, который с самого дня рождения лишь изредка видел солнце и то через приоткрытый свод юрты, казалось, ошалел от избытка яркого солнечного света. Глаза его горели, словно у степного лиса, он пытался вырваться из рук, потом нагнулся, прихватил шелковистыми губами серый камень величиной с точильный брусок, валявшийся на земле, с хрустом раскрошил его зубами на мелкие куски. Затем остановился, широко расставив ноги, и гулко встряхнулся. Встряхнулся и вдруг в стремительном прыжке взлетел в голубое небо, да так, что аркан длиной в двенадцать сажень натянулся, как струна. Он прыгнул подряд два раза, и это были не прыжки, а скорее полеты, и каждый раз его заставляла опускаться на землю Кортка-сулу, обвившая другой конец аркана вокруг тонкой своей талии. Хотя и поражала она изяществом и стройным станом, силы у нее было не меньше, чем у доброго батыра. И только тогда, когда после могучих рывков Тайбурыла она почувствовала, что душа чуть не вылетела из ее груди, а ладони горят, словно от огня, когда она, чуть не теряя сознание от боли, все же поняла, что рано еще Тайбурылу в поход, не налился еще силой, не добрал, не вышел в настоящего тулпара,— Кортка-сулу наконец заговорила, волнуясь и тяжело подбирая слова:

Невысоки горы, если призрачное марево горизонта принимают за их склоны, невысокого полета тот конь, судьба которого зависит от чьей-то прихоти,— сказала она, обращаясь к Кобланды.— Что поделаешь? Будь

Караман-батыр немного умнее, разве осмелился бы нанести Кобланды такую тяжелую рану? Бедный мой Тайбурыл, выходишь на трудную стезю, будучи не готовым к ней! Должен был сегодня взлететь три раза, а тебя хватило лишь на два прыжка. Скажутся на тебе сорок три дня, которые не прожил под моим присмотром. Но нет тут моей вины.

Кобланды, увидев все это, заговорил:

— Я совершил большой промах, Кортка-сулу, заявившись к тебе, словно суровая зима, волочащая свою саблю. Твой необыкновенный ум растопил меня, и сейчас я кажусь себе ясным апрелем, родившимся после бурного марта. Всяк живущий на земле находит свою пару, а меня всевышний осыпал тем, что ты, моя суженая, и красива, и умна. Кортка-сулу, казалось не слушала его, стояла, потупившись, ковыряя острым носком серебряной туфельки землю. Глубокая безысходная печаль, овладевшая ею, вырвалась наружу, как ни старалась она держать себя в руках,— плечи задрожали, и с них соскользнула легкая, шитая золотом накидка.

Кобланды всполошился.

— Отчего же ты плачешь, моя несравненная?—спросил он ее.— Тебе дано гораздо больше, чем простым смертным, ты рождена для дел, которые недоступны другим. Поэтому не принимай близко к сердцу то, что я прискакал к тебе с саблей в руке: на тебя не поднялась бы рука моя. Не печалься, мой друг! Не подобает тебе предаваться кручине, куда я жив! Подними голову! Взгляни на меня! Покажи мне свое белоснежное лицо! Если суждено будет вернуться живым из похода, я постараюсь сделать тебя счастливой. Прошу тебя, не печалься, не надрывай мою душу! Мы, женщины, подобны мелкой рыбешке, плескающейся в мелководье у самого берега просторного озера,— отвечала Кортка-сулу своему суженому, не поднимая головы.— Все наши мечты и думы о том, чтобы вы, наши избранники, не споткнулись в пути. Не могу я становиться на твоём пути, батыр. Иди, добивайся того, что задумал. Вы —соколы, мы — вороны... Долго я ждала тебя, целых шесть лет. И когда ты наконец заглянул к себе домой, будет ли прилично с моей стороны уставиться на тебя во все глаза? Желая тебе доброго пути, батыр! Одинок ты, нет у тебя братьев — ни старшего, ни младшего. И если с тобой случится беда, знай, здесь угаснет от

горя, зачахнет с тоски твоя Кортка. Помни об этом, батыр! Кобланды вздохнул и тихо кивнул головой.

И мне не забыть тебя, Кортка, на этом и на том свете,— проговорил он.— Не обижайся, и сегодня я не смогу войти в твою белую юрту. Перед походом побуду рядом со старыми родителями, попытаюсь унять их тревогу, успокоить.

Кобланды широкими шагами направился к родительской большой белой юрте. Всю ночь старый Тохтарбай и Аналык просидели с обеих сторон сына. Мать то и дело подкладывала ему в чашку самую лучшую еду и лакомства, какие были в доме, Тохтарбай ласкал сына самыми нежными словами. Даже тогда, когда далеко за полночь Кобланды положил голову на высокую пуховую подушку и ненадолго смежил веки, родители не оставили его, остались сидеть рядом, склонившись над единственным сыном, и не отрывали от родного лица своих глаз.

Мой серый ягненок!—ласково обращалась к сыну старая мать, и в ее выцветших глазах блестели слезы. Слезинки срывались с ресниц и, сверкнув в слабом свете ночного светильника, падали на ясный, широкий лоб Кобланды.

Моя радость, надежда моя! —бормотал старый отец, и, склоняясь над сыном, концом седой бороды нежно касался груди Кобланды. Слегка вздрагивающими, старчески невесомыми пальцами Тохтарбай осторожно снимал со лба сына капли выступающего пота.

Всю ночь не сомкнула глаз в своей юрте и Кортка-сулу. Накинула на Тайбурыла златочеканную сбрую, оседлала. Расчесала гриву и долгий хвост, завязала в узел густую челку. Положила в коржун запас еды, приторочила к седлу. Тщательно осмотрела и вычистила доспехи и оружие батыра. После этого она отвязала от привязи Тайбурыла, беспокойно бившего копытами по земле и рвавшегося на волю, провела перед родительской белой юртой. Кобланды вскочил с постели, услышав топот копыт Тайбурыла. Около юрты уже толпились родичи и близкие, собравшиеся проводить его в нелегкий путь. Одни из них плакали, другие горько вздыхали, все спешили обнять Кобланды и наперебой уговаривали его не идти в поход, не подвергать себя смертельной опасности. Кобланды не стал и слушать их; почти вбежал в белую юрту Кортка-сулу, облачился в доспехи, взял оружие и выскочил

наружу, похожий на недавно оперившегося, жаждущего боя молодого сокола.

Кортка-сулу подвела к нему танцующего, беспокойно перебирающего стройными ногами Тайбурыла. Кобланды вступил в стремя, сел на коня и огляделся вокруг. Красив был в это мгновение юный батыр Кобланды. Была к лицу ему островерхая ногайская шапка, под которой горели огненные глаза. Девятикольчатая стальная кольчуга туго обтягивала грудь батыра, отчего как бы еще шире раздались его саженные плечи. Ослепительно сверкали два нагрудных стальных диска. Длинный исфаганский меч, повязанный на поясе, сошел бы за копьё. Люди, вздев руки к небу и проводя ладонями по лицу, благославляли батыра, направлявшегося отомстить врагу. Надежда людская на благополучный исход крепла, поднимая в душе батыра веру в свои силы.

Кобланды оглядел теснящийся вокруг народ, который все прибывал и прибывал из дальних аулов, чтобы проститься с ним, поклонился людям, отчего, развеваясь, заколыхался султан на верхе шапки. Потом рванул поводья, и Тайбурыл, давно со скрежетом грызший удила, стремительным скоком понес своего седока к подножью гор Караспан. Теснило в груди у батыра, и комок стоял в горле. Не выдержал он, оглянулся назад и увидел, что за ним бегут несчастные его старые родители — Аналык и Тохтарбай, невеста Кортка-сулу и сестра Карлыгаш. Сестра бежала впереди всех, далеко оторвавшись от остальных его близких, платье ее развевалось, словно пламя. Кобланды натянул поводья и остановился. Карлыгаш догнала его и стала на его пути. Она тяжело дышала, высокая лебединая грудь часто поднималась и опускалась. Отерла слезы, застлавшие черные глаза, горько вздохнула:

— Единственный брат мой, душа моя Кобланды! Не прислушался ты к мольбам людским, не поддался на уговоры остаться, не идти на кровожадного врага!..— заговорила Карлыгаш, глядя на брата.— Сокол, покидая родное гнездо, надеется на силу своих крыльев и хвост! На что ты надеешься, идя на лютого врага, мой милый братец? Пусть я, словно ягненок, буду отдана в жертву всем святым, лишь бы ты вернулся назад целым и невредимым, мой милый братец! Горе разрывает сердце... Мой мир был так светел, когда ты жил в родных краях, жизнь казалась непрерывной радостью, на душе было покойно. Теперь не ходить мне по мягкой земле — подошвы горят, будто обугленные от огня, не смотреть на ясное солнышко — лоб

морщится будто от колючек, вонзившихся в него... Пусть стрела, предназначенная тебе, вонзится в меня, милый братец!.. Мое сердце чувствует, что ты не вернешься домой. Пусть злая смерть, ищущая тебя, набредет на меня, мой милый братец!.. Тугаи полнятся верблюдами, у привязи тесно от лошадей, кошары не вмещают овец... Кому оставляешь свое богатство, милый братец? Отцу твоему Тохтару девяносто лет, матери Аналык — шестьдесят... Что с ними станет, милый братец?

От горького плача сестры, проникающего в самое сердце, у Кобланды перехватило горло, обмякли суставы, показалось, что тело крошится и рассыпается, будто хрупкий мел.

Кобланды оперся копьём о землю и выпрямился в седле. Не плачь, милая Карлыгаш!—попросил он сестру.— Разве гусь, совершив круг, не возвращается в места, где свил однажды гнездо? И я вернусь домой, испытав свои силы на вражьих головах.— Кобланды незаметно для сестры смахнул рукавом слезы, выступившие на глазах.— Это правда, когда кручина овладевает сердцем, на глаза наворачиваются слезы. Не надрывай мне сердце, милая сестра! Моя душа — жертва моей чести, не больше. И если угодно судьбе, ее не сохранишь, спрятавшись даже под крыльями ангелов. Не переживайте, не проливайте слез зря! Жить на родной земле — это то же самое, что барахтаться в золотой колыбели! Кипчаки, обитающие в горах Караспан, не дадут вам лить горючие слезы, милая сестрица! Ты ведь знаешь, честь для меня превыше всего! Зачем ты напомнила мне о моем богатстве, милая сестрица? Верблюдов, заполнивших прибрежные тугаи, я доверяю Сарысу — пусть поглотит их река! Лошадей, теснящихся у привязи, доверяю заклятому врагу — пусть уведет их навсегда! Овец, которых не вмещают кошары, оставляю ненасытным волкам — пусть зарежет их зверье! Вас, а не богатства моего жалко мне, милая сестра! Старых отца и мать, которым только и осталось, что быть опорой друг для друга, тебя и Кортка-сулу.

Девяностолетнего отца Тохтарбая вверяю самому создателю, сестра моя! Шестидесятилетнюю мать Аналык вверяю покровительнице несчастных Бибатиме! Милая сестрица Карлыгаш, твою судьбу вручаю находчивой Карашаш-ханум! Богом назначенную мне Кортка-сулу вверяю небожительнице Палуан-кыз! Они проникались печалью людской, осушали слезы несчастных, надеюсь, поддержат и вас!

Милая сестрица Карлыгаш! Ты видывала когда-нибудь молодое одинокое деревце, растущее вдали от леса? Этим деревцем являюсь я. Вас четверо, а я — один. Кому же вы вверяете меня?

Карлыгаш вздрогнула от слов Кобланды.

- Милый братец! Что заставило тебя исторгнуть из себя тяжелые слова? Умоляю тебя, не предавайся тоскливым мыслям, не падай духом, выпрямись в седле. Твоя неукротимая сила и твое мужество сохранят тебе жизнь, больше никто и ничто! Я буду просить всевышнего Жаппара-хакка — повелителя восемнадцати тысяч миров, чтобы защитил тебя от бед. Возвращайся живым и невредимым!

В это время к ним присоединилась Кортка-сулу, задохнувшаяся от быстрого бега. Мой повелитель!—обратилась она в свою очередь к Кобланды.— С того часа, как мы встретились друг с другом, я жила беззаботно, словно в восьми сферах рая. Но все это отныне позади. Я вижу твою непреклонность и потому хочу сказать тебе на прощанье несколько слов, мой повелитель.

Ты достигнешь Сырла-кала на двенадцать дней раньше киятов, которых туда повел Караман-батыр, и возьмешь его один. Недалеко от города возвышается гора Каскырлы. Там, на этой горе, разбей свой шатер, отдохни сам, дай отстояться коню. Караман-батыр не сможет взять город Кырлы-кала, придет к тебе и станет просить о помощи. Твоя воля, как ответить своему сверстнику, нанесшему тебе смертельное оскорбление: ответишь ли обидным словом или посоветуешь обратиться за помощью к жене.

Меня больше всего беспокоит то, что Тайбурыл выходит в поход на сорок три дня раньше, чем ему положено. У кизилбашей есть еще и другой хан, воинственный Кобик, с которым тебе придется столкнуться лицом к лицу. Тяжело тебе придется... На Тайбурыле ты не догонишь двух скакунов хана Кобика, которые вырвутся из табуна и оповестят своего хозяина о беде. Тогда ты поймешь, почему я не хотела пускать тебя в поход. В добрый путь, мой повелитель! Не буду задерживать тебя. Найдешь нас в дни, когда глаза наши опухнут от кровавых слез, а душа устанет от горя.

Тогда еще раз вспомнишь о моих словах.

Кортка-сулу закончила свои напутствия, отступила на шаг назад, и тут до них добрела старая Аналык. Несчастливая женщина заключила сына в свои объятия и громко зарыдала.

- О, пророк Ильяс, покровитель бредущих по земле! И ты, пророк Кияс, покровитель восходящих на вершины! Вверяю каждому из вас судьбу моего единственного сына! Поддержите его в минуты бессилия, приободрите его в дни отчаяния!

О, всемогущий Азиз-Шашты-Ыклас! Вручаю в твои руки моего ягненка! Не дай ему упасть в ров, не дай повстречаться с горем!.. О, хозяин вод и суши Камбар! Вручаю в твои руки моего сына! Будь ему покровителем и защити от кровожадного врага, стань лесом и защити от опаляющего солнца!..

О, создатель, почему так несправедливо устроен мир? Зачать ребенка, когда утроба иссохлась, вскормить его грудью, которая до этого не знала прикосновения детских губ, обрести надежду на склоне лет и вновь окунуться в море печали?..

Жеребенок мой, пусть сопутствует тебе удача!

Из двух баранов, родившихся близнецами, выберу с лысиной на лбу и заколю его на жертвенном алтаре!

Из двух быков, родившихся близнецами, выберу серого куцега и воздам, как священную жертву!

Из двух жеребцов, родившихся близнецами, выберу серого пятилетку, чтобы сделать жертвоприношение!..

Когда Кобланды нагнулся, чтобы мать по обычаю поцеловала его в лоб, и тронул коня, старый Тохтарбай, едва одолевший половину дороги, стоял, весь дрожа от слабости, и жалобно рыдал. Кобланды, не оборачиваясь назад, оттянул сиво-чалого доиром по брюху!..

Бег Тайбурыла

Тайбурыл, которого до сих пор не касалось ничто, кроме нежных пальцев Кортка-сулу, взвился пулей от горящего удара доиром. Разрезая воздух широкой, как у верблюда, грудью, он распластался в полете, едва касаясь копытами земли. Спустя некоторое время, под ушами скакуна выступил пот и шерсть радужно заблестела под солнечным светом. Чем больше разогревался Тайбурыл, тем стремительней слагался его бег. Небольшие низины он преодолевал одним махом, словно перепрыгивал через лунки очагов, вырытых в земле. Кобланды охватило неизведанное доселе глубокое удовлетворение от мощного разбега Тайбурыла. «Незабвенная моя Кортка!— проговорил он мысленно, только сейчас по-настоящему проникаясь уважением к своей невесте, денно и ночью готовившей ему скакуна.— Ты любила напоминать, что конь — крылья джигита. Теперь я понял тебя, моя бесценная Кортка-сулу! Ну, что ж, покажи, Тайбурыл, на что ты способен, лети, как на крыльях! Я поклялся, что никому не дам опередить себя в силе и отваге, ни перед кем не склоню гордой головы! И ты не позволяй обойти себя ни одному из прославленных скакунов, из тех, кто держит хвост на отлете или носит долгую гриву. Будем дорожить своей честью, Тайбурыл! Кияты ушли далеко вперед, идут сейчас, насмехаясь надо мной, мол, Кобланды не посмел послушаться Кортка-сулу и укрылся в белой юрте. Обгони киятов, Тайбурыл, не допусти, чтобы я глотал пыль, поднятую моими обидчиками! Если ты истинный тулпар, как считает Кортка-сулу, пройди сегодня же весь сорокадневный путь и доставь меня к хану Казану!»

Доир с кнутовищем из таволги со свистом опустился на бедного Тайбурыла. Тяжело пришлось скакуну. Плотный сплетенный кнут рассек бедро так глубоко, что кровь, хлынувшая из раны, образовала озеро на каменистой земле. Озеро получилось столь большое, что наелись досыта теплой кровью стервятники и вороны, тучами слетевшиеся со всех сторон. Тайбурыл еще быстрее понесся над степью. Пышный хвост и долгая грива разошлись от встречного ветра, натянулись, как волосяные струны кобыза, и издавали нежные мелодичные звуки. Шерсть, которая отливала наполовину серебром и наполовину золотом, покрылась потом, и на каждой волосинке он светился капелькой чистой росы. Пыль, взлетающая из-под копыт, уносилась

в желтую степь подобно смерчу. А Тайбурыл все прибавлял в беге. Серые камни, встречающиеся в пути, сплющивались под его круглыми копытами, словно вязкая глина; он не обращал внимания на коварные бугры, не сбавлял хода перед покатыми холмами. Когда конь с призывным ржанием устремлялся вперед после каждого тяжелого удара доиром, простор сужался, накатываясь под копыта, и далекое становилось близким. Солнце стояло в зените, когда бег сиво-чалого тулпара стал подобен полету стрелы, выпущенной из тугого лука. Во второй половине дня бег Тайбурыла изменился: он скакал, легко складываясь и выпрямляясь, словно хорошо продубленная податливая воловья шкура.

Спустя еще некоторое время он вытянулся в струнку — так, все утончаясь, вытягивается в руках искусного зергера проволока из благородного металла.

В час полуденной молитвы бесин далеко впереди показался небольшой клуб пыли. Увидев его, Тайбурыл загорячился и вовсе пошел мерить версты, он напоминал теперь степного неутомимого лиса, преследующего добычу. Оказалось, впереди мчался батыр Кара-Букан. Приветствую тебя, мой старший брат!— Кобланды, догнав его, слегка придержал сиво-чалого.— Кто идет впереди тебя?

- Догнал нас, светоч мой Кобланды?— Кара-Букан поскакал рядом с ним.— Я знал, что ты пойдешь с нами. Кому, как не тебе, подняться на защиту своего народа? А впереди, за этим холмом,— Кара-Букан показал кнутовищем в направлении, куда он держал путь,— идет, кажется, батыр Косдаулет.

Последние слова Кара-Букана повисли в воздухе: Кобланды умчался в мгновение ока.

Прошел малый промежуток времени, и сиво-чалый скакун мчался ноздря в ноздю с конем Косдаулета.

Приветствую тебя, мой старший брат!—поздоровался с ним Кобланды.— Кто идет впереди тебя?

- Это ты, светоч мой Кобланды? Как хорошо, что ты едешь с нами! Там, впереди, по-моему, скачет батыр Аккозы.

И опять Тайбурыл понесся в безумном беге, ударяя широкую грудь о встречный ветер, и скоро догнал Аккозы, оставил его за спиной и, перевалив за невысокий холм, достал батыра Каракозы.

Приветствую тебя, мой старший брат!—окликнул его Кобланды.— Скажи, а кто у нас впереди?

- Это ты, светоч наш Кобланды?—обрадованно воскликнул батыр.— Теперь я верю в нашу удачу! Твой сверстник Караман оторвался от нас еще вчера и мы никак не догоним его,— стал объяснять он Кобланды.— Уж больно резвый тулпар под ним, похоже, сейчас скачет за горами, за долами. Вряд ли ты его догонишь сегодня.

Слова Каракозы задели Кобланды за живое, он стегнул сиво-чалого, и тот понесся, словно капля, стремительно падающая с поднебесья. Мир закружился вокруг.

Караман, оказалось, и вправду ушел далеко. Но для разгоряченного Тайбурыла теперь не существовало расстояний: он мчался, прижав уши, прикинув к земле,— так стремглав, кубарем скатывается с крутой горы заяц.

И снова слегка придержал Кобланды сиво-чалого, убавил ему шаг, поскакал рядом с батыром Караманом.

Ойбай-ау, мой друг, и это-то и есть твой хваленый скакун?—бросил ему Кобланды.— Мне он представляется клячей, на которой впору пасти овец, нежели аргамаком, на котором мчатся в бой! С таким ходом, мой друг, ты будешь двенадцать дней добираться до моего коса, в котором я сегодня остановлюсь. Ну, каково, мой друг? Ты обозвал меня бабой и ушел, не удосужившись подождать меня! Ты вышел в путь тремя днями раньше, а я догнал тебя за полдня. Надеюсь, теперь, когда ты увидел Тайбурыла, которого пестовала Кортка-сулу, ты убедишься в ее уме? Или будешь лить слезы от того, что тебя обогнали на коне, которого взрастила женщина?

Кобланды отпустил поводья, и стоило Тайбурылу почувствовать свободу, как он понесся вперед, изредка касаясь копытами земли: сиво-чалый реял в воздухе, словно сокол. Заросли белых колючек, носящих имя некоего Аманбая, Тайбурыл одолел одним махом. Расплескал, перемешал между

собой воды озер Камысты, богатого камышами и гусями, и Когалы, известного своим высоким тростником и лебедями. Оставил позади беспокойное озеро Шегенды, известное своими ветрами, и ясное Шаггалалы, белое от обилия чаек. Прогрохотал копытами по берегам и взбудоражил, поднял в воздух тьму уток и гусей с озера Кыздыколь и Кумре, Котан и Косколь. Казалось, совсем недавно достиг было сиво-чалый горбатой сопки Кудера, а уже проскочил и священные горы Каратау, которые издавна облюбовали себе казахские ханы, и горы Алатау, где раскинулись владения биев-мудрецов. Проскакав у подножья гор Туйе-мойнак, изогнувшихся и впрямь, как длинная верблюжья шея, обойдя островерхую крутую гору Кыз-емшек, метко названную девичьей грудью, сиво-чалый оставил за спиной и дивные, воспетые в песнях места Атасу и Манас. Прошел он и пустыню с протухшей водой и горькой солянкой-травой, прошел озеро, полное крикливой птицы выпы. Оставил за собой места, богатые таволгой, одолел овраги, заросшие саксаулом. Прорвался сквозь пыльную бурю песков, скупо заросших травой баялыш, проплыл сквозь смородиновое море, утопая в вязком дерне лесных опушек. И чем дальше, тем лучше слагался бег Тайбурыла. Он фыркал, и вокруг словно раздавались раскаты грома. Он отряхивался на бегу, и пот его дождем просеивался на землю. Взлетал серый гусь, летел, стараясь не отстать от коня, но вскоре терялся в густой пыли, поднятой за тулпаром. А он скакал, не зная усталости, летел, грызя удила, и передние копыта его каждый раз ступали по земле на неполную пядь дальше задних. Мир плясал и кружился вокруг, стучала, оттягиваясь от ветра тетива лука, выступающего из налучника, и широкие штанины Кобланды надуло ветром так, что они бились с обеих сторон, как крылья скакуна. Это был мощный, невиданный доселе бег. Там, где ступали копыта Тайбурыла, оставались глубокие ямы. Однажды, когда Тайбурыл взлетел в прыжке, он вытянулся в длину на целых пять саженьей. К вечеру Тайбурыл превзошел самого себя: он еще больше прибавил в беге. Достаточно было заметить на горизонте дикого кулана или архара, как в считанное время Тайбурыл накрывал их своей тенью. Серые цапли и черные кулики, густо облепившие берега озер, не успевали взлететь в воздух и погибали под копытами Тайбурыла. Такая же участь постигла и многочисленных степных дроф и уток. Для соколов и ястребов, добывающих себе пищу после изрядного лета, выпало настоящее пиршество: они без труда хватили птиц, трепыхавшихся в прибрежных травах.

Ко времени вечерней молитвы намазшам Тайбурыл прошел и безлюдные просторы, и топкие трясины, и высокие горы. Тени удлинлись, стало темнеть в оврагах и логах, когда Кобланды увидел огромное количество овец, белевших на ковыльной равнине. Он понял, что теперь недалеко и до города.

В скором времени он выскочил на многочисленные табуны лошадей, выпасавшихся у пяти высоких деревьев. Лошади, в большинстве серо-пегой масти, настороженно уставились на одинокого всадника и тут же, рассыпаясь, бросились в сторону. Кобланды пересек им путь, сбил в одну кучу и загнал весь табун в ущелье с узким и тесным проходом. И только после этого он устремился в город Сырлы-кала, до которого было не дальше ягнячьего перехода, и остановился впервые за весь день, упершись в главные крепостные ворота. Ханские воины, стоявшие на стене, подняли на смех одинокого всадника, с воинственным видом подскакавшего к городу. Давно никто не бросал им вызова и не оказывал достойного сопротивления, и кизилбаши чувствовали себя в полной безопасности. Кобланды охватила злость. Заслонив стальным щитом голову, он издал клич, подобный львиному рыку, и бросил сиво-чалого в полет. Тайбурыл одним махом перелетел через стену. Кобланды тотчас обрушил на врага ураган хвостатых, с орлиными перьями темных стрел. Словно молния, засверкала булатная сабля, разя кизилбашей. С гулом пронзало все вокруг длинное копьё. Молясь одновременно всем семи пророкам, которые покровительствовали воинам, он прорубал себе путь с одного конца вражеского войска в другой, и там, где он проходил, оставались груды поверженных тел.

Недолго длилось кровавое сражение. Видя неукротимый напор одинокого всадника, свалившегося на них, как снег на голову, убедившись в его неуязвимости, кизилбаши упали на колени, вымаливая себе прощение. Кобланды освободил всех узников— казахов и ногайлинцев — и вручил бразды правления их истинным хозяевам.

Освободив Сырлы-кала и благословив их жителей на долгожданную мирную жизнь, Кобланды направил Тайбурыла к горам Каскырлы, возвышающимся над самым городом. Ехал он теперь ровным шагом, не торопясь, заботясь о сиво-чалом, которому нужно было поостыть после дальней дороги и жаркого боя. В горах Кобланды выбрал место, удобное для обзора, разбил свой походный шатер. Теперь можно было отдохнуть от ратных дел. Прошло несколько дней. На исходе двенадцатого дня Кобланды

вспомнил о напутственных словах Кортка-сулу, поднялся на ближайшую вершину и огляделся вокруг. Далеко в степи прорисовывались смутные очертания города Кырлы-кала, к которому подходило огромное войско киятов. Пока все складывалось точно так, как предсказывала Кортка-сулу. Кобланды было любопытно, сбудутся ли и все остальные пророчества Кортка-сулу, которые она высказала на прощанье. Между тем кияты стали окружать город со всех сторон. Пыль, поднятая сорокатысячной конницей, заслонила весь горизонт. Однажды, когда пыль на мгновение рассеялась, Кобланды увидел, что кияты копошатся вокруг глубоких рвов, опоясывавших город в шесть рядов, а его сверстник Караман-батыр яростно стегает своего коня и тщетно пытается перепрыгнуть через преграду. Не занимать было мужества Караман-батыру, он не ведал страха и сейчас был готов насмерть схватиться с заклятым врагом, но никак не мог добраться до него.

И Кобланды охватила досада на коня Караман-батыра, который не был достоин своего седока и уронил его честь и перед своими, и перед чужими воинами. Ему стало жаль Карамана, и все же Кобланды не смог пересилить себя: он не поспешил на помощь киятам. Уж больно крепко сидела в нем обида на сверстника.

Кобланды и хан Казан

Три дня мучился Караман-батыр, пытаясь перебраться через рвы и пройти в крепостные ворота, но все усилия его пошли впустую. Он был вне себя от злости, рвал и метал все и вся вокруг, однако ему ничего не оставалось больше, как обратиться за помощью к Кобланды, который раскинул свой шатер в горах Каскырлы.

Караман-батыр выглядел подавленным, он похудел за эти дни, осунулся, глаза его ввалились. И заговорил он с Кобланды непривычным для себя унылым тоном.

- Ау, сверстник мой, что за отдых ты тут устроил себе?—скованно улыбнулся он, подъезжая к косу.— Или тебе невдомек, что мой меч зазубрился, а сабля истончилась? Что с тобой происходит, Кобланды? Мы ведь с тобой вышли не славы искать для себя, а защитить честь народа. Не так ли?.. Какие между нами могут быть обиды? Короче говоря, мой сверстник, я пришел просить тебя выступить против кизилбашей вместе. Мне одному, похоже, их не одолеть.

- Эх, Караман.— усмехнулся Кобланды.— Где ты видел, чтобы крепость, которую не сокрушил батыр, взяла баба? Караман-батыр промолчал.

- Разве не ты обозвал меня бабой перед тем, как идти на кизилбашей? Обозвал не однажды, а целых три раза. Как же понять теперь твою просьбу? Выходит, нет у тебя ни совести и ни самолюбия, Караман. Не думал я, что когда-нибудь мне придется выяснять отношения с кем-либо из наших батыров. Но тебе я скажу, Караман, будь ты семи пядей во лбу, а по мне ты не стоишь и ноготка моей Кортка-сулу

Лицо Карамана вспыхнуло.

- Довольно!— вскричал он.— Я с тобой больше не разговариваю! Выйдет удача— возьму город, не выйдет — сложу голову! Я вижу, ты все еще держишься за бабий подол! Можешь не дорожить тем, что мы —

сверстники, но как ты можешь спокойно взирать, как уничтожают твой народ?

Караман поднял коня на дыбы и помчался обратно к Кырлы-кала. Не мог усидеть на месте Кобланды после горьких слов Карамана-батыра, вскочил в седло и бросился вдогонку за ним. Караман-батыр оглянулся, увидел на лице Кобланды тихую виноватую улыбку, и, не останавливая коня, мчавшегося во весь дух, с признательностью пожал руку своему сверстнику. В черных, пылающих гневом глазах его заиграла жизнь. Наконец-то оба батыра скакали на врага стремя в стремя.

Приблизившись к Кырлы-кала, они придержали взмыленных коней и огляделись вокруг. Город и в самом деле казался неприступным. За шестью поясами глубоких рвов, окружавших город, возвышались высокие крепостные стены, сложенные из жженого кирпича. Не представлялось возможным преодолеть эти преграды, оставалось разве что пролететь над ними птицей и только таким образом попасть в город. Кобланды помрачнел, увидев, как тщательно укрепился хан Казан. Глаза его налились кровью, лицо посуровело, его обуяла ненависть к врагу.

Плотные ряды конницы киятов стояли у самых рвов, ожидая решения батыров.

Кобланды произнес молитву пророку Камбару, покровителю лошадей, и погладил Тайбурыла по гриве.

- Мой конь, вот и настал для нас с тобой истинный час испытания!— заговорил он, обращаясь к скакуну.— Не пристало нам с тобой поворачивать вспять, придя мстить врагу за поруганную честь родного народа. Позор горше смерти! Лучше уж кинуться навстречу судьбе, если она даже расставила гибельный капкан, чем показать врагу пятки. Перенесешь ли ты меня, мой ангел, через крепостную стену, если я брошу тебя в полет? Тайбурыл, будто понимая слова своего седока, подвигал верхними губами, пошевелил нижними и громко всхрапнул. Затем поднял правую переднюю ногу и стал бить круглым, словно литым из железа, копытом землю. Обрадованный тем, что Тайбурыл откликнулся на его обращение, Кобланды укоротил поводья. Мысленно обратился к покровителю лошадей святому Камбару, провел ладонью правой руки по лицу и рванул поводья. Тайбурыл подобрался, выпрямился и полетел, словно желтая стрела,

выпущенная тетивой. Копыта его со свистом рассекли воздух, грива и хвост вытянулись на ветру; сиво-чалый, будто вихрь, перелетел и через глубокие рвы, и через высокую стену, и с грохотом опустился прямо в центре города. От тяжести всадника колыхнулась земля, и пыль, поднявшаяся из-под копыт, заслонила солнце.

Увидев, что Кобланды очутился в городе, Караман-батыр бросил коня на рвы, на этот раз прошел их и с оглушительным львиным рыком стал носиться назад и вперед перед крепостными воротами, отворить которые оказалось ему не под силу.

Войско хана Казана, вооруженное до зубов, стояло наготове с той самой поры, как под стенами города появилась сорокатысячная конница киятов. Увидев молодого батыра, очутившегося на площади, кизилбаши развернули боевое знамя. «Ну, что ж, подходите поближе!—Кобланды обеими руками взял обоюдоострый меч — алдаспан.— Довольно пролили вы детских слез, кровопийцы! Я воздам вам сторицей! За этим пришел сюда!..»

Но не успел Кобланды взмахнуть мечом, как из плотных рядов кизилбашей с призывным кличем выскочил громадный воин на вороном с лысиной на лбу скакуне. Воин вышел без доспехов; стальная кольчуга была приторочена к седлу сзади; барабан, обтянутый верблюжьей шкурой, висел у него спереди; над городом загрохотало, загудело.

Все это было настолько впечатляюще, что Кобланды на какое-то мгновение растерялся. А воин, нахлобучив черную кунью шапку по самые брови и меча грозные искры из глубоко сидящих глаз, вплотную приблизился к Кобланды. Это и был хан Казан, ненавидевший казахов лютой ненавистью и всегда искавший встречи с ними. И сейчас, увидев в крепости казахского батыра, он двинулся на Кобланды, словно обезумевший пегий бык, сметая на своем пути и конных, и пеших, оглушая ревом все живое вокруг. Между тем, Казан слыл великим воином, владевшим воинским искусством в совершенстве. С самых ранних лет боевое седло служило ему вместо подушки; тугому луку и острому мечу он доверял больше, нежели людям, джигитовал дни и ночи и, кажется, превзошел всех в силе и мощи. Ему было достаточно вздремнуть раз в двенадцать дней, чтобы выспаться и отдохнуть, поест раз в тринадцать дней, чтобы насытиться и восстановить силы. Он не любил спокойной жизни, город ему наскучил, и в последнее

время он частенько просил бога о том, чтобы тот подарил ему для забавы какого-нибудь казахского батыра. И вот всевышний словно бы откликнулся на его мольбу. Хан Казан устремился на Кобланды, взметнув над головой двенадцатиаршинное копьё, древко которого, чтобы руке было мягче, обернул бархатом длиной в пять аршин.

Первый черед мой, казах!—пророкотал хан Казан.— Я первым выбираю оружие, которым будем биться! Берегись! Не робей! И молча последовали за ханом Казаном его старший сын Караул и сын ханского бека Бегаул, и все его тридцать прославленных военачальников.

Кобланды отметил, как быстро непобедимое сорокатысячное войско кизилбашей выстроилось позади своих военачальников. Но волна первого впечатления прошла, Кобланды взял себя в руки. Развернул плечи, собрался с силами, и, когда хан Казан приблизился к нему вплотную, он бросил хану с усмешкой:

— Я вижу, вы тут собрались все поголовно! Что, перепугались не на шутку? Оно, видно, верно говорят: когда появляются охотники, хищнику не до забавы!

— Эй, ничтожный казах!—вызывающий вид Кобланды и его слова разозлили Казана настолько, что тот разразился воплем, как если бы босой наступил на раскаленные уголья.— Что ты тарацишь на меня свои глаза? Может быть, ты и в самом деле думаешь напугать меня своим грозным взглядом? Кто ты таков, что посмел появиться перед непобедимым батыром Казаном? То, что ты приехал издалека, я понял по спутанной гриве твоей лошади! То, что твой конь приустал, я понял по опавшему его крупу. Впрочем, все это теперь ни к чему. Я спросил бы: чей ты сын, но вряд ли ты от достойного отца! Я спросил бы: кем вскормлен, но вряд ли материнским молоком! Все казахские батыры у меня на счету. И я не то, что тебя одного, а весь твой жалкий народ могу пустить по миру. А тебе, юноша, мой совет: не пытай судьбу да не гневи меня! Сойди с сивочалого и подведи его ко мне, скинь с себя доспехи и брось их к моим ногам. Поторопись, ничтожный казах!

Короткий язвительный смех слетел с губ Кобланды.— Наскоком хочешь взять, хан?—спросил он Казана с издевкой в голосе.—

Или жадность вконец одолела тебя? Не успел протереть глаза, а уж тянешь руку к чужому коню? Или ты думаешь, что я начисто лишен достоинства и, стоит, мол, тебе припугнуть меня, как я покорно сойду с сивочалого? А кто ты сам таков, что кичишься передо мной? Я спешил сюда, полагая, что доберусь до Кырлыккала, поплюю на ладони и начну колоть и резать поганых кизилбашей, словно кучу глупых овец, а ты, бестолковый, пытаешься ссадить меня с коня!

Ты спросил меня о моих родителях, я отвечу тебе, Казан! Только подкидыш ведет счет родителям чужих людей. Похоже, ты из них, несчастный! Отвечу тебе твоими же словами: сними с головы кунью шапку, которую подарил тебе твой царь, и поднеси мне собственными руками. Иначе проткну копьем твою провонявшую от вина грудь и брошу тебя под брюхо вороного! Поспеш с повинной, хан Казан! Иначе омою твоей кровью железные ворота, окропля ею песчаную землю! Не из тех я, кто способен спокойно взирать на то, как стонет его страна под пятой врага! Не из тех, кто успокаивается, пока не вернет свободу своему народу! Так с какой стати я отдам тебе своего коня?

Нет, до этого еще не дошло, хан Казан! Я пришел сюда мстить за поруганную честь моего народа! И ищу я кизилбашей! Пришел твой последний час, Казан! И если ты не трус, становись напротив, сойдемся в поединке!

Ты хотел, чтобы первым был твой черед? Я согласен, выбирай оружие, трусливый Казан!

Хан Казан отбросил в сторону барабан и взял в руки копьё. — Хорошо! Бери и ты копьё! Выходи на поединок!

Боевые кличи обоих батыров заполнили все пространство над землей, а земля заходила ходуном и не сразу обрела неподвижность: оба поудобнее охватили копьё с древками из иргая и, пригнувшись к гриве коня, пустились навстречу друг другу. С треском вошли длинные острия копий в тела, и брызнула алая кровь. Кобланды и Казан застыли, упершись оружием друг в друга. От усилий батыров, пытающихся вогнать копьё поглубже в противника, передние ноги коней подогнулись, а древки боевых оружий с громким треском переломились.

Пот, ливший с батыров ручьями, достиг стремянных кожаных лопастей тебенге. Оба выплюнули вместо слюны кровавую пену. Глядя в упор друг на друга бешеными глазами, соперники схватились за кинжалы. Блеснули лезвия на солнце, посыпались искры от ударов, и затупившиеся кинжалы полетели в разные стороны, отброшенные воинами. Настал черед взяться за обоюдоострые мечи — семсеры, и они взлетели в воздух, словно быстрокрылые серые ястребы. За быстротой рук, наносящих и одновременно отражающих удары, невозможно было уследить. Но и мечей хватило ненадолго, после нескольких мощных атак, они обломились у самой рукояти. В эту напряженную минуту не выдержал Караул, устремился к отцу, чтобы подать ему свое меткое копьё с длинным красным древком. Это решило бы исход поединка, но Кобланды вовремя заметил уловку Караула, бросил коня ему наперерез и вырвал копьё из рук оторопевшего ханского сына. Теперь преимущество было на стороне Кобланды. Он поскакал на Казана и, сотрясая воздух взмахами копьё, вонзил острие ему чуть ниже горла и налег изо всех сил на древко, пытаясь свалить хана из седла. Казан отчаянно сопротивлялся. Видя, что свалить его не такто просто, Кобланды провернул копьё, и Казан, исторгнув из себя оглушительный рев, рухнул под брюхо вороного. Когда Казан упал на землю, развороченную копытами тулпаров, рот ему забило красным песком, и вскоре он затих навсегда.

Кизилбаши увидели гибель хана Казана и, прервав крики, которыми ободряли своего предводителя, отхлынули к крепостной стене. Их было много, и они верили в свою несокрушимую силу. Отойдя от площади, воины подняли луки, вложили в них стрелы и стали медленно окружать Кобланды. Десятки тысяч враждебных, целящихся в самое сердце стрел, заставили Кобланды поежиться. Он ощутил одиночество и, сникая перед обступившими его несправедливостью и злом, стал жаловаться сам себе, сетуя на судьбу.

«О, создатель, почему я не ворвался в город с кемнибудь из многочисленных кипчаков, кочующих по Караспану, или из киятов, томящихся у крепостных ворот? Я снова один. Кто разнесет по аулам весть о моей доблести, если мне суждено взять верх над врагом? Кто расскажет, как я мчался на Тайбурыле, взлетел выше башен и побил ненавистных кизилбашей? А если выйдет неудача, и я наткнусь на вражье копьё? Если я обольюсь кровью и сложу голову среди врагов? Кто тогда приведет моим несчастным родителям моего коня на поводу и скажет им: «Тайбурыл еще

помнит своего седока»? Кто вручит им мою стальную кольчугу и произнесет сочувственно: «В ней еще живет запах вашего сына»? Человеку жизнь дается однажды, и я готов без сожаления отдать ее за свободу родного народа! Молюсь на тебя, мой народ! Прошу благословения у вас, великие пророки Камбар и Даут! Я рожден для походов и сражений. И пусть, если суждено, мои доспехи обогрятся кровью! Обращаюсь к тебе, мое копьё, добытое в бою! Тебе весь день вонзаться во врага, не сгибайся да не ломайся! Промахнусь — моя вина! Обращаюсь к тебе, мой болгарский лук! Настал день, когда тетива не будет знать покоя, прогибайся, не переломляйся! Не натяну тетиву до отказа — моя вина!

Обращаюсь к вам, мои бухарские стрелы! Ударил час, когда вам голосить свою песнь! Звените и свистите! Не пошлю вас в цель — моя вина! Настроившись на кровавое сражение, Кобланды поднял Тайбурыла на дыбы, и кизилбашам показалось, что к небу взметнулся не конь, а стрелой взлетела бурая змея. Кизилбашаи осыпали Кобланды тысячами стрел, но стрелы эти, ударяясь о стальную кольчугу Кобланды, изготовленную для него Корткаслу, бессильно падали на землю. И тогда воодушевленный Кобланды бросился на кизилбашей с такой лихостью, что можно было подумать: перед ним стояло не сорокатысячное грозное войско, а какихнибудь сорок человек. Сверкнула на солнце сабля, со свистом рассекла воздух стрела. Одним ударом сабли Кобланды перерубал сорок, одной стрелой разил сто кизилбашей. Когда Тайбурыл, яростно грызя удила, прокладывал дорогу через вражеское войско, за ним оставались груды изуродованных трупов. Вскоре Кобланды сбил кизилбашей в одну огромную кучу и принялся кромсать их, словно волк, ворвавшийся в отару овец. Вернее сказать, сейчас он напоминал тигра, расправляющегося со стадом диких куланов. Вооружившись кто чем мог, принялись бить ненавистных кизилбашей и недавние их пленники — ногайлинцы и казахи. Предчувствие желанной свободы, казалось, удесятерило их силы.

Битва продолжалась. Кобланды чувствовал усталость, лицо его побледнело, руки до плеч были обогрены кровью. Но нечего было и думать о какойнибудь, хоть самой кратковременной передышке. Крепостные ворота были еще закрыты, на помощь киятов не стоило надеяться. Впрочем, и кизилбашаи бились уже не с прежней силой. Убедившись, что им не сломить казахского батыра, который один разметал их по всей площади, кизилбашаи

бросились наутек, сгрудившись вокруг зеленого знамени. Огромное ханское знамя, величиной с кошму, которой накрывают юрту, было сплошь покрыто пятнами крови и грязи. Колыхаясь то тут, то там, среди беспорядочно метавшихся по площади кизилбашей, знамя вскоре упало на землю и бесследно исчезло под тысячами ног.

Знамя упало!—раздались в разных концах площади истошные крики.—
Знамя упало!

Положение кизилбашей было жалким. Когда войско ударяется в панику, от него нечего ждать осмысленных действий. Не помышляющие больше ни о чем, кроме спасения собственной головы, кизилбаши десятками попадали под удар меткого копья, рядами ложились под сверкающую саблю, массами гибли от свистящих стрел.

В какой-то миг Кобланды заметил, что ряды кизилбашей заметно поредели. Да и те, кто держался еще на ногах, больше походили на трупы, нежели на живых людей. Побросав оружие, они в отчаянной мольбе тянули вверх руки, выпрашивая пощаду. Многие из них, в знак полного признания превосходства Кобланды, снимали свои боевые пояса и набрасывали их себе на шею.

Наступил час победы.

Выползли на свет бывшие правители города — бии и беки, пришли, чтобы склонить головы перед батыром Кобланды, поблагодарить его за освобождение народа от кизилбашей. Кобланды уже знал, что совсем недавно они точно так же смиренно стояли перед ханом Казаном, а потом рука об руку с кизилбашами грабили своих же горожан, издевались над сородичами. На этот раз бекам не сошло с рук их предательство. На площади поднялись крики, народ больше не желал видеть своими правителями тех, кто предал его и обрек на несчастья. Кобланды поддержал горожан. Кончилось тем, что простой люд избрал своим правителем сапожника Ермека, слывущего человеком мудрым и справедливым. Кобланды распорядился открыть ворота. Потом согнал всех оставшихся в живых кизилбашей к воротам, взял с них клятву не появляться в казахских степях и отпустил их восвояси. Отпустил, надолго заставив запомнить, что насилие никогда не остается без возмездия. Затем он вывел из города тысячи голов скота, которые кизилбаши награбили в окрестных аулах, и отдал их киятам, несколько дней изнывавшим от безделья под крепостными стенами.

Кияты бросились делить скот так поспешно и жадно, что не обошлось без ссор. Выясняли отношения между собой они долго и в эту ночь снова остались ночевать за глубокими рвами, окружающими город. Пять дней праздновали казахские воины победу над ханом Казаном и собрались в обратный путь на шестой день.

Войско киятов вышло из Кырлыкала, ведя за собой сотни красных наров, тяжело навьюченных добром. Многочисленные табуны лошадей и отары овец пошли в некотором отдалении друг от друга, чтобы не смешаться между собой. Кияты были довольны походом. Караманбатыр не последовал за своим войском. Он свернул к Кобланды, который стоял в стороне и молча наблюдал за киятами, угоняющими табуны и стада.

— Ау, сверстник мой, я убедился в твоей несокрушимой силе!— обратился к нему Караманбатыр, напружинив ноги в стремях и выпрямляясь в седле. В глазах его играли смешинки.— Не завидую твоей удаче, от всего сердца радуюсь за тебя! Но ведь и меня, Кобланды, кличут батыром, и за мной ходит слава доблестного воина! А получилось, что возвращаюсь домой, даже не ударив врага копьем!—Он замолк, потом бросил на Кобланды короткий взгляд исподлобья.— Меня терзает именно это, Кобланды!

— Говори, Караман, я слушаю тебя!—отозвался Кобланды, видя, что Карамана батыра мучает что-то невысказанное.

Кобланды, не пристало нам возвращаться домой, сделав полдела,— заговорил начистоту Караманбатыр.— Избавили народ от хана Казана, но оставляем в живых еще более кровожадного хана Кобикти. Кизилбашский хан Кобикти однажды угнал тысячи наших лошадей. А во второй раз он пленил и увел лучших моих воинов. Насколько я знаю, крепость, в которой обосновался хан Кобикти, находится недалеко от этих мест. Не слишком ли долго мы терпим насилие Кобикти? Может быть, ему пора ощутить на себе нашу силу? Нагрянем в его владение, угоним лошадей! И если хан Кобикти выйдет из крепости и бросится за нами в погоню, то мы свяжем его самого. Мне бы хотелось показать тебе, на что я способен в бою.

Кобланды давно слышал о хане Кобикти, причиняющем степнякам немало беспокойств. Естественно, он не мог позволить себе, чтобы хан Кобикти продолжал свои разбойничьи набеги на казахские аулы. Кобланды

кивнул в ответ Караманбатыру, соглашаясь с его предложением. Оставив свои кибитки у Кырлыккала, оба батыра, не взяв с собой больше никого, темной ночью вышли в путь.

Рассказ о том, как Кобланды попал в плен

Табуны отборных серопегих лошадей, принадлежащие хану Кобикти, разбившись на десятки косяков, выпасались в ночном у берега озера Куба, богатом зеленым тростником. Кобланды и Караман выскочили на них под самое утро, и по тамгам, чернеющим на крупах животных, признали в них лошадей, уведенных из казахских аулов. Батыры, не мешкая, стабунили лошадей и погнали их в сторону Кызылкала.

Среди лошадей, попавших в руки батыров, находился знаменитый тулпар по кличке Тарлан, на котором ездил только сам хан Кобикти, считавшийся даже в старости могучим, никем не превзойденным воином. Не успели Кобланды и Караман отъехать далеко, как Тарлан отделился от остальных лошадей. Длиннохвостый и густогривый, сивый тулпар искоса, с недоверием поглядел на всадников и, подняв сухую длинную голову к небу, зевнул во всю пасть. Потом гулко заржал и, держа хвост на отлете, как это могут делать только кони с богатым густым хвостом, во весь опор помчался назад, к городу. Оба батыра бросились вдогонку за тулпаром, но безнадежно отстали. Кобланды натянул поводья, вспомнив слова Корткаслу о том, что Тайбурылу, чтобы стать истинным тулпаром, не хватило сорока трех дней. Он повернул назад, понимая, что гнаться за Тарланом ему нет никакого смысла.

Путь лежал неблизкий, солнце припекало, и Кобланды решил переждать зной и немного отдохнуть. Батыры загнали табун в одно из ущелий. Кобланды разнуздал Тайбурыла, положил под голову седло и уснул, а Караман остался на карауле, чтобы враг не застал их врасплох.

К тому времени Тарлан достиг города, и по его встревоженному виду старый Кобикти догадался, что на его отборные табуны напал противник. Он оседлал Тарлана, рвущегося в бег, прижал бедром к боку коня палицу с окованным набалдашником величиной с конскую голову и, молча, грозно хмуря брови, тронул поводья.

Старый воин знал степь, как свои пять пальцев, да и след огромного сводного табуна отпечатался широкой полосой, лежал перед ним, словно

белая накатанная дорога. Не подоспел полдень, когда хан Кобикти увидел своих лошадей, сбившихся в ущелье. Вне себя от ярости, он направил коня к Караману, стоявшему на часах, охраняя табун.

— Эй, ты что, полагаешь, в моей стране перевелись батыры и можно гулять по ней безнаказанно?—закричал Кобикти, обращаясь к Караману.— Иль думаешь, тут скот ходит без присмотра и его можно спокойно прибрать к рукам? Кто ты таков, что посмел нарушить мой покой? Или ты из тех, кто ищет несчастья на свою голову? Если оно так, то ты не промахнулся! У меня от безделья давно руки чесались. Сейчас я сверну твою хилую шею. — Эй, Кобикти!—ответил ему Караманбатыр.— Ты пошире раскрой свои узкие глаза, может быть, тогда поймешь, кто стоит перед тобой! Пришел час расплаты, Кобикти! Разве не ты, Кобикти, поверг мою мирную страну в бездну горя и слез? Разве не ты, Кобикти, пустил огонь в мои зеленые луга и превратил их в пустыни? Если я и угнал табун серопегих, то лошади эти были нашим достоянием! Теперь осталось убить тебя самого, чтобы избавиться от извечного врага!

Караман дал коню шенкеля и устремился на хана Кобикти, молча выслушавшего его слова. Но ударить хана копьём он не успел: Кобикти одним взмахом палицы выбил оружие из его рук. Караман ловко повернулся в седле и схватил хана за предплечье. Кобикти тоже был не из слабых — сгрёб Карамана за шею. Долго боролись оба воина, пытаясь стащить друг друга с седла. Одно время Караман начал было подминать Кобикти под себя, но от тяжести двух громадных батыров конь его упал на колени, и Кобикти вырвался из его рук. И не только вырвался, а успел в мгновение ока перетащить Карамана к себе, прихватил его ногой и намертво прижал его путлицами к боку своего коня. Не успел Караман опомниться, как Кобикти заковал его руки и ноги в стальные кандалы и бросил наземь.

Кобланды спал недалеко, на расстоянии длины аркана и, конечно, хан Кобикти услышал его богатырский храп, раздававшийся изза камней. Он пустил Тарлана крупным шагом, приблизился к спящему Кобланды и, увидев его необычайно могучее тело, невольно остановился. «Да, сложен, как лев!—подумал Кобикти, чувствуя, как его охватывает беспокойство. Пожалуй, его нужно брать сонного! С таким нелегко будет справиться, если проснется и возьмется за оружие». Хан Кобикти накинул на Кобланды девятислойную стальную сеть и туго

спеленал его. Забрал все оружие и доспехи Кобланды, сложил их в стороне и только после этого ткнул копьем спящего батыра, заорал: — Вставай! Быстро!..

Кобланды даже не пошевелился во сне. Он и не почувствовал звериного окрика Кобикти, от которого содрогнулась земля. Кобикти воткнул острие копья в тело Кобланды на целых полвершка, и только тогда батыр открыл глаза и спросонья потянулся, отчего лопнули пять из девяти слоев стальной сетки, которой он был стянута. Кобикти это поразило. Поразило, но не вызвало в нем жалости. Он свесился с седла и заковал руки и ноги батыра еще и в кандалы. Не помешает, подумал осторожный старик. Затем отогнал в табун скакунов, на которых ездили Кобланды и Караман, вернулся с крупным крепконогим жеребцом, навьючил обоих батыров на него и не спеша направился к городу.

В час полуденной молитвы хан Кобикти въехал в крепостные ворота и, остановившись у дворца, окликнул дочь Карлыгу — нежнолицую девушку с тонким красивым носом и карими глазами.

— Карлыга, ты дома, солнышко мое?. Проследи, чтоб отвели в темницу этих двух несчастных, дерзнувших назваться моими врагами! Бог даст, придут сваты, сыграем твою свадьбу и, когда ты отправишься в дом мужа, они — эти двое — будут сопровождать караван, навьюченный твоим приданым. Они станут твоими рабами! Не жалея их! Держи в черном теле и изредка корми сушеным куртом, чтобы стали смиренными и послушными!

Карлыга подошла, плавно ступая, взглянула на связанного Кобланды, и у нее от волнения перехватило дыхание. Она замялась, трепет, родившийся в груди, ударил огнем в лицо, алый румянец залил ей щеки. Но девушка быстро взяла себя в руки. Не проронив ни слова в ответ отцу, Карлыга отвела обоих пленников в каменную темницу.

Хан Кобикти, опьяненный удачей, в тот же час собрал горожан и объявил:

— Я пленил знаменитого казахского батыра Кобланды, и теперь нет никого, кто смог бы противостоять мне! Вся казахская земля, все богатство казахов теперь в моих руках! В честь победы над батыром Кобланды повелеваю сейчас же начать пир.

— Войдя во дворец, Кобикти вызвал к себе единственного сына Биршимбая, чтобы переговорить с ним наедине.

— Сын мой, Биршимбай, зажглась и твоя звезда!—обратился к нему хан Кобикти.— То, что ты молил у неба, сбылось на земле! Немедленно отправляйся к джунгарскому хану Алшагыру, сообщи ему об участи Кобланды! Алшагыр будет на седьмом небе от твоей вести. А в подарок за радостную весть проси у него руки его сестры Каникей, в которую ты давно влюблен!—Кобикти довольно рассмеялся.— На этот раз он расщедритя...

Биршимбай, не откладывая поездку надолго, поспешил к джунгарам. Карлыга вернулась во дворец сама не своя. С того самого мгновения, как она увидела казахского батыра Кобланды, сердце юной девушки потеряло покой.

Ее словно коснулся горячий огонь. Перед взором стояло гордое и красивое лицо Кобланды, которому теперь была уготована горькая, унижительная участь узника. Девушке стало жаль джигита. Неожиданно она вспомнила предсмертные слова матери своей Гулаим, которые несчастная женщина долго берегла в глубине души:

Милая дочь, зеница моих очей! Ты должна знать, что меня еще девушкой насильно привезли сюда из казахской степи. Всю жизнь я скучала, рвалась в родные края, но мне не довелось увидеть родину хотя бы краешком глаза. Я умираю от тоски, доченька!—Гулаим говорила, задыхаясь, с трудом, и в голосе ее слышалась мольба.— Заклинаю тебя: если ты считаешь меня своей матерью, найди свою настоящую родину! Там живут наши родственники. Твой отец Кобикти подверг меня жестоким мучениям. На моих глазах он заколол копьем мою родную мать и насильно увез меня на чужбину. Потом родилась ты, доченька!.. Если ты уважаешь меня, свяжи свою судьбу с какимнибудь казахским джигитом. Это мое единственное желание, доченька!..

То ли запали в душу стенания матери, то ли ударил срок, когда девичье сердце томится и ждет, ищет что-то свое, сокровенное, но всю ночь Карлыга не сомкнула глаз. Ее било словно в лихорадке. Пуховая подушка до утра не раз окропилась горячими слезами.

Утром, поднявшись с постели, Карлыга немедля направилась в темницу, где находились узники. Долго, не отрывая нежного взгляда, смотрела

Карлыга на ясное мужественное лицо Кобланды: ей казалось, что она никогда раньше не видела подобной мужской красоты. Щеки ее снова покрылись румянцем, длинные ресницы трепетали, временами девушке казалось, что ей не хватает воздуха и она задыхается. Карлыге пришлось призвать на помощь всю свою волю, чтобы отойти от дверей темницы. «Это он!—шептала девушка себе мысленно.— Это он, в кого мне суждено влюбиться!..»

Карлыга шла ко дворцу, а душа ее рвалась назад, в темницу. Сердце билось в груди часто и гулко. Девушке хотелось быть рядом с Кобланды, все время видеть его, глядеть на него, и с этим неожиданным, сильным чувством, охватившим ее всю, невозможно было справиться.

Красавицу Карлыгу стало трудно узнать. Стоило ей поутру открыть глаза, как они тут же наполнялись беспричинными слезами; стоило ей разомкнуть уста, чтобы сказать слово, как из груди вырывался глубокий тяжкий вздох. И не выдержала однажды Карлыга печали своей, тайно покинула дворец, хоронясь от случайных глаз, пробралась тесными узкими улицами к темнице и отперла ее железные засовы. Темное помещение словно осветило ярким солнцем, настолько была красива Карлыга.

— Приветствую вас, батыры!—произнесла она, заметно волнуясь.— Я пришла к вам поневоле. Не знаю я ни вашего происхождения, ни помыслов ваших, но сердцем моим овладела не то жалость, не то сострадание к вам.— Она немного помолчала, прежде чем продолжить разговор.— Интересно, как вы поступите, если я освобожу вас от оков? Доберетесь до родных аулов и вскоре забудете обо мне? Или хоть иногда будете поминать меня добрым словом? Караманбатыр подполз и обнял ноги девушки.— Душа моя, Карлыга!—завопил он, торопясь и глотая слова.— Оказывается, и жалкому невольнику выходит удача! Умоляю тебя, помоги обрести волю! Только освободи руки и ноги от оков, и я сигану отсюда быстрее зайца! Только и видели меня!..

Кобланды вспыхнул, услышав эти недостойные воина причитания.— Ну, беги, жалкая твоя душа! Сгинь с моих глаз, так оно будет лучше! Не знал я, что у тебя такая трусливая душа!—он смерил Карамана уничтожающим взглядом и повернулся к девушке: — Сестрица, зря ты

затеяла все это! Я не из тех, кто спасается бегством! Кобланды, севший на коня шести лет от роду, не станет умолять девушку о свободе! Да и не уйду я отсюда, пока не отомщу твоему отцу! Придет время, и я развалю эту каменную темницу и тебя, нежную гордость Кобикти, увезу в степь, волоча под пахом Тайбурыла! Да, да! Придет этот день, ты убедишься в правоте моих слов!—он помолчал немного и продолжал, пригорюнившись:— Жаль, угораздило меня попасть во вражеские руки. Некого винить мне, кроме себя самого. Совершил два непростительных промаха: позарился на чужое и недооценил врага, думал, постарел Кобикти, ни на что не годен. Вот оно и вышло так.

А ты, Караман, уходи!—сверкнул Кобланды глазами, снова сердясь на друга.— Передай привет кипчакам, обитающим в горах Караспан! Расскажи о моей печальной доле моим старым родителям, родичам, сестренке Карлыгаш и Корткаслу! Поведай им, что я лежу закованный в кандалы в темнице у кизилбашского хана Кобикти! Иди, спеши, трусливая твоя душа!—и отвернувшись к холодной стене, он глухо пробормотал:— Что мне этот бренный мир! В одиночестве скитаюсь по земле! Видя, что Кобланды по своей воле не собирается покидать темницу, Карлыга стала умолять его не упорствовать. Вдвоем с Караманбатыром они попытались было поднять Кобланды на ноги, но не смогли даже сдвинуть его с места. Убедившись, что Кобланды уперся на своем и не собирается менять своего решения, Караманбатыр взял за руку Карлыгу и вышел наружу. На улице Караман согнулся в три погибели и, прячась, двинулся было прочь, но Карлыга удержала его за рукав.

Караман, у меня есть одна мысль!—зашептала она ему на ухо.— Говорят, душа джигита прячется в теле его любимого коня. Найди табун моего отца и приведи сюда Тайбурыла. Мы скрутим ему ногу так туго, что он забьется, закричит от боли. И тогда Кобланды не усидит в темнице, выскочит к коню.

Караману понравилась мысль, высказанная Карлыгой. Он поспешил в степь и к полуночи вернулся в город верхом на своем коне, ведя Тайбурыла на поводу. Вдвоем с Карлыгой они наложили на бедро Тайбурыла скрутень из волосяного аркана и стали что есть мочи стягивать его. От нестерпимой боли Тайбурыл закричал, словно дикий кулан, оказавшийся в губительном волчьем окружении. Услышав душераздирающий, полный жалобы голос

своего коня, Кобланды выскочил наружу, чуть не снеся плечом каменные стены темницы.

Дальновидная Карлыга, оказалось, уже с вечера приготовила боевые доспехи и оружия обоих батыров. Она сама собрала Кобланды в дорогу. Мое сердце с детских лет познало тяжкие страдания, Кобланды,— призналась она батыру на прощанье.— Небо, казалось, навсегда повисло над моей головой беспросветно темной ночью, но с того часа, как я увидела тебя, на нем обозначился долгожданный ответ. Хочу сказать тебе, Кобланды, что родина матери является моей родиной. Я не знаю, смогу ли вырваться в казахские степи, но чувствую себя птицей, почуявшей желанную волю. Я хотела бы, чтобы ты меня верно понял, Кобланды.

Кобланды внимательно слушал Карлыгу. Выражение его лица смягчилось, он по другому взглянул на свою спасительницу. А сейчас, не теряя времени, направляйся к табуна, угоняй его в степи,— посоветовала ему Карлыга.— Ты должен быть готовым к тому, что Тарлан снова заартачится, а потом поскачет назад к городу. Я постараюсь успокоить отца, усыпить его бдительность, а потом оседлаю Тарлана и догоню вас. Я хочу жить на родине моей матери.

Она пожала руку Кобланды и исчезла среди домов. Кобланды натянул на себя стальную кольчугу, повязал к поясу булатную саблю, надел на локоть темляком длинное копьё и ринулся в степь. Узкий серп месяца словно повис на его плече. Вскоре батыры достигли табуна знаменитых серопегих, сбили горячих, как огонь, лошадей в один огромный табун и погнали их в родную степь. Они прошли озеро Куба и достигли реки Сары, когда Тарлан снова отделился от табуна. Он вновь искоса, как бы испытующе поглядел на погонщиков, потом поднял сухую длинную голову к небу, зевнул во всю пасть, несколько раз гулко заржал и, подняв пышный хвост трубой, во весь опор поскакал назад. Кобланды и Караман не стали преследовать тулпара.

Кобикти проснулся, услышав топот копыт, заволновался, велел дочери немедленно седлать Тарлана. Карлыга бросилась к отцу, стала успокаивать его.

Отец, зачем же изза пустяков прерывать свой сон? Тарлан, наверно, захотел полакомиться,— стала объяснять Карлыга отцу.— Я его накормлю и

отправлю обратно в табун. Не беспокойтесь, отдохайте, отец! Слова дочери убедили хана Кобикти: он не вышел на улицу, Карлыга бросила на спину тулпара позолоченное седло, одела стальную кольчугу, подвязала к поясу саблю. Волосы на голове завязала в тугий узел, одела набекрень круглую ногойлинскую шапку, села в седло и припустила вдогонку за Кобланды.

После того, как к ним присоединилась Карлыга, настроение батыров заметно приподнялось, они прибавили ходу и к середине дня достигли урочища Сарыбель.

Солнце стояло в зените, когда в табуне забеспокоился, закапризничал сивый жеребец Кокбести — младший брат Тарлана. Он выскочил на наветренную сторону от табуна и, сердито кося глазами, огляделся вокруг. Постриг острыми ушами, всхрапнул и, вытянув морду к небу, зевнул. Потом гулко заржал и, держа пышный хвост трубой, помчался в сторону города. Трое всадников тут же бросились за ним, намереваясь вернуть беглеца в табун, но Кокбести только и видели. Преследователи не смогли приблизиться даже к пыли, которая клубами поднималась изпод копыт тулпара. Карлыга осадил Тарлана, и, помахав рукой, подозвала к себе Кобланды и Карамана.

Худо нам будет, батыры!—призналась она им.— Мой отец — человек крутого нрава, и первоначально он снимет с плеч мою голову. Он и мать мою раньше времени загнал в могилу. Меня ничто не спасет... Вряд ли и вы сможете противостоять его чудовищной силе, потому что отец надевает девятислойную кольчугу, которую не берет ни сабля, ни стрела. Есть только однаединственная надежда на спасение... На кольчуге отца не хватает четырех стальных колечек. Это крошечное отверстие напротив пуповины оставлено намеренно; оно служит отдушиной во время жаркого изнурительного боя. Если ты, Кобланды, умеешь метко стрелять, то постарайся попасть стрелой в отверстие на кольчуге. Только тогда мы спасемся от хана Кобикти. Промахнешься — нам не миновать мучительной смерти.

От слов Карлыги у Караманбатыра душа ушла в пятки. Он помрачнел и сник. Кобланды рассмеялся, глядя на своих перепуганных спутников. Он

отправил их с табуном дальше, а сам остался у Сарыбея, ожидая хана Кобикти, спешившего за ним следом.

Громоподобный Кобикти, поверженный Кобикти

Кобикти снова уснул крепким сном, старческая грудь ходила ходуном, исторгая то храп, то хрип; старик видел редкостный сладкий сон, когда знакомый гулкий грохот копыт Кокбести прямотаки подбросил его в постели. Кобикти недовольным движением почесал широкую волосатую грудь, потом, не обременяя себя обуванием, босиком пошлепал в спальню дочери и увидел, что постель Карлыги пуста. Сомнений не было, стряслось самое худшее из всего, что он мог предположить. Проклятие вырвалось из груди старого хана, и из сумрачных сверкающих глаз его упали на белую бороду две слезинки.

Он никому не сказал ни слова. Молча, с мрачным выражением лица бросил на спину сивого Кокбести широкое седло. Поднял, словно пушинку, окованную сталью палицу величиной с лошадиную голову, сел в седло и только тогда обернулся на ворота дворца, где за спинами приближенных беспокойно колыхалась огромная толпа, успевшая собраться за считанное время. Похоже, все чуяли недоброе.

Кобикти стряхнул слезы, блестевшие в уголках печально сверкающих глаз, и коротко буркнул на прощанье:

— Не знаю, вернусь ли живым. Прощай, мой народ! Хана Кобикти томила неизвестность, ожидавшая его впереди, захлестнула обида на единственную дочь, предавшую родного отца. Всю свою печаль и весь свой гнев вложил он в удар камчой, который обрушил на бедро коня, и Кокбести взлетел в темносинее небо. Взлетел и, опустившись обратно на землю на все четыре ноги, понесся вдаль.

Сонная степь загудела ветром. Воздух, рассекаемый хвостом сивого тулпара, закружил вихрем. И в груди старого неистового Кобикти, скакавшего, ничего не видя перед собой, клокотал ветер и крутил вихрь. Он мчался по степи, уминая холмы копытами великого скакуна и сверкая стальной кольчугой, лишь бы найти, выскочить на беглецов.

Кобланды рванул с места, закричал, увидев Кобикти, проскакавшего стороной.

Хан Кобикти услышал его крик и, нетерпеливо, резко дернув за повод, повернул коня и поскакал прямо на Кобланды. Он показался батыру огромной горой, падающей на него с горной высоты. Кобланды приладил к тетиве лука стрелусауытбузар и мысленно обратился к родной степи, прося благословения. Потом до отказа, изо всех сил натянул тетиву и прицелился в своего врага. Три раза пытался Кобланды взять мчащегося хана на прицел и три раза, едва ловя его, терял из виду. Он протер глаза тыльной стороной ладони и снова прильнул к луку. С грохотом мчался на него Кобикти, крутя тяжелой стальной палицей — еще немного — и было бы поздно. Кобланды, к счастью, успел выцелить как раз то место, где должен был находиться пуп. Просвистела стреласауытбузар, пущенная могучей рукой, она вонзилась точно в отдушину кольчуги и снесла туловище Кобикти с седла. Пролетев вместе со стрелой, туловище упало на землю, и ввысь взметнулось облако густой пыли. Вторая половина тела Кобикти ушла в седле на Кокбести, который продолжал скакать по степи.

Кобланды вне себя от радости подъехал к туловищу Кобикти. Некогда грозный хан был еще жив. Цепляясь руками за кочки, он пытался доползти до палицы, валявшейся в десяти шагах. Волоча волосяной чембур, к хозяину рысью подошел Кокбести, и Кобикти схватился за чембур, но у него не хватило сил на то, чтобы подтянуться до холки коня и сесть в седло. Эх, выпустил я тебя из рук, бездомный бродяга!— в отчаянье проскрежетал хан Кобикти.— Выпустил и сам угодил в беду!.. Надо было перебить вас всех! Но еще не поздно! Не будет вам покоя, покуда жив мой сын Биршимбай! Из его рук примешь ты свою смерть! Не поздно... Карлыга оказалась вражьей дочерью. Проклинаю день, когда она родилась! Будь проклята ты, Карлыга! Призываю все несчастья на твою голову, черная твоя душа!—от горя и возмущения, охвативших его, Кобикти стал по волосинке вырывать свою бороду и изпод каждой волосинки показалось по капле крови. Затем он протянул руки к Кобланды: — Эй, батыр подойди ко мне поближе! Подойди... Нагнись ко мне, я хочу сказать последние свои слова тебе на ухо. Но стоило Кобланды нагнуться к старику, как жилистые руки Кобикти в тот же миг словно клещи вцепились ему в горло. Какойто суеверный страх охватил Кобланды от всего того, что случилось после его рокового выстрела

из лука. Он зажмурился, взмахнул булатной саблей с золотой рукоятью и опустил ее на голову хана Кобикти.

Просветлело лицо Карлыгы, когда Кобланды с сивым тулпаром на поводу целый и невредимый догнал своих спутников. Заблестели глаза Карамана, он заулыбался, завертелся вокруг Кобланды.

— Мой сверстник!—заговорил он взволнованно.— Красноречивый человек незаменим в споре, а батыр хорош в бою. Ты снова взял верх над врагом и опять обставил меня. Сам знаешь, как мы дорожим дедовскими обычаями. У нас принято ждать победителя и, если он возвращается с добычей, предъявлять свои права на долю. Где моя доля, Кобланды? Где моя сауга?

Ну и доставил ты мне хлопот, Караман!—рассмеялся Кобланды.— Забирай хоть всех лошадей, принадлежащих хану Кобикти, мне не жаль чужого добра.

Кобланды и на самом деле не занимало богатство хана Кобикти, каким бы огромным оно ни было. Он был охвачен радостью победы и, как говорится, пропустил слова Карамана мимо ушей. Батыр пристально, с вождением взглянул в белоснежное лицо Карлыгы, скачущей рядом: ему сейчас и в самом деле было не до табунов какого-то кизилбашского хана. Караман тоже словно бы не придавал значения ответу батыра Кобланды. Он заехал спереди и остановился на пути Кобланды. Пристально, испытующим взглядом посмотрел поочередно то на Кобланды, то на Карлыгу.

Для человека, который справился с самим ханом Кобикти, разумеется, нет ничего невозможного!—продолжал Караман свое.— Если уж расщедрился, мой друг Кобланды, стань хоть однажды расточительным! Я полагал, что ты уступишь мне красавицу Карлыгу.

Кобланды резко повернулся к нему, и в пронзительном взгляде батыра можно было легко прочесть его мысли. Он как бы спрашивал своего спутника: «Ты в своем уме, Караман?»

Но Караман, похоже, ничего не понимал и не слышал. Кобланды тяжело вздохнул и едва заметно покачал головой. Потом погладил ладонью гриву коня и заговорил медленно, негромким голосом:

— До сих пор я брал верх над врагами, благодаря моим крыльям — Тайбурылу. Когда же я впервые угодил в тяжелую беду, хлебнул горя полную чашу, мне подала руку помощи Карлыга. Это была рука друга,— голос Кобланды звучал искренне.— Да, да, я принял Карлыгу, как человека и по уму, и по сердцу равного себе. Она — мой друг, Караманбатыр. Ради нас она пожертвовала землей отцов и родным домом. Так что Карлыга — не добыча, мой сверстник! Я говорю о том, что человеку дано всего одно сердце, и невозможно делить его между двумя людьми. Дома у меня осталась Корткаслу, а здесь встретил девушкувоина Карлыгу...— Кобланды снова вздохнул и долгим нежным взглядом посмотрел в глаза девушки.— Что мне тебе сказать, Караман? Пусть сама Карлыга решит, быть ли ей с тобой или нет. Как подскажет ей сердце, так тому и быть.

Достаточно было Кобланды произнести эти слова, как Караманбатыр устремился к девушке и жадным движением обхватил правой рукой ее тонкую талию.

А я думал: «Чужая печаль — печаль, а по моей и потужить некому!»— воскликнул он и, не давая несчастной девушке промолвить и слово в ответ, увлек ее за собой.— Теперь у нас с тобой, Карлыга, все в жизни исполнилось, не так ли?

Кобланды грустно усмехнулся и тронул коня вслед за ними. Через два дня путники догнали киятов. К сотням табунов и стад, принадлежащих раньше хану Казану, которые степняки гнали на родину, добавились новые табуны. У киятов глаза вылезли из орбит, когда они увидели тысячи отборных серо пегих лошадей. Рядом с батыром Караманом ехала красавица Карлыга, а поскольку девушка считается самой ценной добычей, то кияты посчитали, что именно их предводитель одолел непобедимого хана Кобикти. С радостными восклицаниями кияты бросились навстречу Караманбатыру, сняли его с седла и, не позволяя ему ступить ногой на землю, посадили на белую кошму. Никто из воинов не подошел, не придержал за поводья коня Кобланды, как это принято у степняков. И не то, что придержать коня, кияты позволили себе отнестись к Кобланды даже свысока.

Заполучив в свои руки неисчислимое богатство, они, словно боясь потерять его, стали спешно собираться в дорогу. Войско теперь напоминало

беспорядочно возвращающиеся с набега отряды. Вместе со всеми сел на коня и Кобланды, но Тайбурыл, отчего-то захромавший, прошел расстояние всего на длину аркана и стал. Никто из киятов теперь не обращал внимания на одинокого батыра, не подал руку помощи.

Тогда он окликнул своего сверстника:

— Караман! Подожди! Остановись, подожди меня! Но все было тщетно. То ли голос Кобланды прозвучал тихо и не долетел до слуха Карамана, то ли Караманбатыр, опьяненный невиданным вниманием сородичей, отмахнулся от него; как бы то ни было, но он не обернулся в сторону Кобланды, а продолжал ехать в кругу воинов с таким видом, будто он — пуп земли, не меньше.

Войско киятов прошло мимо, обдав Кобланды тучей пыли. На глаза Кобланды набежали слезы обиды. Из груди вырвался тяжелый вздох. Самолюбие его было уязвлено до глубины души, но что ему оставалось делать? Не зря ведь сказано кемто из мудрецов: «Поступь одинокого не видна». Кобланды, держа захромавшего Тайбурыла за чембур, долго стоял неподвижно в степи, подобно каменному утесу. Тулпар, похоже, почуял состояние своего хозяина, проникся его настроением: он потянулся к Кобланды, коснулся шелковистыми губами его плеча и бархатисто заржал. Голоси, Тайбурыл, голоси!—отозвался Кобланды своему единственному другу.— Твое ржание—мои слезы! Дай мне выплакать мою печаль! Дай мне раскаяться в моей глупости, которой воспользовались неблагодарные кияты! Голоси, мой тулпар, голоси! Твое трубное ржание—мои горькие слова! Разве я дожил бы до этих дней, если бы взял с собой пять или десять родичей из тьмы кипчаков, населяющих благословенные горы Караспан? Голоси, мой друг! Твое бархатное ржание—мои безутешные стенания... Не задумывался я раньше над тем, что впереди нет у меня старшего, а, говорят, казахов много, и не идет за мной младший брат. Лишь сегодня одиночество моя растравляет мне всю душу.

О, всемогущий создатель! Не мучай меня долго, если дни мои сочтены и путь мой отмерен! Возьми мою душу как можно скорее, не далее этой ночи и не позже утренней зари...

Была уже полночь, когда он спутал передние ноги Тайбурылу и оставил его пастись в низине, богатой травами майкара, бетеге, полынью и коде. Вернулся к холму, положил под голову седло, лег ничком на потник. Едва Кобланды смежил веки, как перед ним верхом на сером осле возник его старый отец Тохтарбай. Старик был в белой чалме и держал в руке трость, расписанную узорами.

— Жеребеночек мой, Кобланды!—тихонько заговорил старик.— От твоего плача встрепенулось мое сердце, от твоих слов мороз пробежал по спине. Как ты мог молить о смерти, мой сын? Если упадешь духом ты, какова будет наша участь, мой сын?

Кобланды даже во сне почувствовал, как теснит у него на сердце. — Ты хочешь узнать, что стало с нами?— продолжал старик тихим голосом.— Лучше бы я не рассказывал о нашей доле, а ты бы не слушал меня, мой Кобланды. В отренье превратились полы златотканого халата, босые ноги твоего отца потрескались от ходьбы; голодный и оборванный, он пасет чужих овец. Твоя несчастная мать треплет шерсть и вьет арканы у чужих людей: ломит в моих костях, когда слышу ее жалобные причитания. Твоя сестра Карлыгаш пасет ягнят и варит курт у чужого очага: впадаю в полузабытье, когда слышу ее рыдания. Но больше всего страданий мне причиняет то, что мою невестку Корткаслу хочет сделать своей женой джунгарский хан Алшагыр. Сегодня третий день, как твоя родина оказалась под пятой врага. Перерезана твоя коновязь, повержена в бездну несчастий твоя страна, а народ твой обливается горячими слезами, Кобланды. Что же ты спишь тут спокойно?

Вставай, проснись, мой свет! Встряхнись, отбрось от сердца кручину!

Отомсти за страдания родного народа!..

Кобланды вздрогнул, вскочил на ноги, огляделся по сторонам. Утренняя звезда Шолпан уже погасла. На восточной стороне неба обозначилась узкая бледносерая полоска зари. Кобланды только теперь, после сна, понял, почему так неожиданно захромал Тайбурыл. Его взрастила Корткаслу, и он, словно сын, чувствующий материнское горе, чуял беду, которая повисла над самым близким ему человеком.

Кобланды направился в низину, где он вчера оставил в ночном Тайбурыла, и неожиданно для себя увидел всадника, который спешившись со своего коня и сняв путы с Тайбурыла, водил животных, вволю, неторопливо выпасая их на росной траве. Тайбурыл ступал игриво, словно и не хромал еще вчера.

Загадочным всадником оказался не кто иной, как Карлыга. Девушка была огорчена тем, что кияты оставили Кобланды одного в степи, и вернулась назад, чтобы поддержать его в трудную минуту. Она нашла Кобланды спящим, решила не будить его, а сняла путы с Тайбурыла, разнуздала своего Тарлана и пасла их, выбирая места, где трава росла получше: пусть скакуны наберутся сил. Только тогда, когда Кобланды показался у края низины, девушка пошла ему навстречу. Кобланды до самой глубины души был растроган добротой Карлыги. Он был потрясен настолько сильно, что в груди родилась щемящая долгая боль. Плечи джигита сотрясались от едва сдерживаемых рыданий. Поучились бы люди у тебя, Карлыга, как водить бескорыстную дружбу! — воскликнул Кобланды со слезами на глазах.— В дни, когда я разочаровался во всех и пал духом, ты снова вернула мне жизнь, рассеяла гучи, сгустившиеся над моей головой!

Тебе поверяю я свои горькие мысли, Карлыга! Судьба снова связала меня с черной бедой! Джунгарский хан Алшагыр напал на мои аулы, кочующие под небом Караспана, безжалостно перебил всех, разбросал по дорогам. Огонь пожирает мои просторные джайляу, недуг снедает мое тело, Карлыга!

Ночью во сне мне явился мой старый отец Тохтарбай и поведал о горькой участи, постигшей моих соплеменников.

Что ж мне остается, кроме как немедленно выступить против хана Алшагыра? Не знаю, кому дано быть моим боевым спутником, но на Карамана, сына Сеильды, я не могу больше положиться. Тебе, девушке, я открыл свою душу, Карлыга! Храни тебя всевышний, милая Карлыга! Для меня ты несравненно выше всех людей, которых я когда-либо знал на этой земле. А теперь мне пора!..

Карлыга схватила батыра за руку.

— Великому воину не к лицу теряться даже в жестоком окружении врага, Кобланды!— стала успокаивать она его.— Когда у народа есть такой заступник, как ты, Кобланды, ему можно не беспокоиться за свое будущее. Все его беды рассеются, как дым, все несчастья улетучатся, как сон. Не расстраивай себя понапрасну, а настраивайся на жестокую битву, Кобланды. Я не пожалею своих сил, чтобы хоть както помочь тебе, Кобланды. Эта мысль вела меня, когда я покинула родной дом. Хотела быть с тобой. Но сердцу не прикажешь. Вчера ты сам сказал: сердце — одно... Как и раньше, я готова ради тебя пожертвовать своей жизнью, Кобланды. Ты должна бы родиться мужчиной, Карлыга, и тогда каждый батыр считал бы для себя честью делить с тобой невзгоды судьбы,— заметил Кобланды.

— Ты езжай на Караспан, а я догоню киятов, сообщу им о нашествии джунгаров. Может быть, ктонибудь из них вызовется идти на джунгаров, тогда мы с Караманом возьмем его с собой и догоним тебя завтра днем.— Карлыга села на Тарлана.— Доброго пути тебе, Кобланды!

Дорогой чести

Слова участия, которые Кобланды услышал от Карлыги, легли, как бальзам на душу; не мешкая сел он на Тайбурыла и направил скакуна в сторону Караспана. На коня посыпались удары камчи, в бока врезались кованые каблуки. Тайбурыл распластался в привычном беге, и стремительный бег его, начавшийся с утра, не потерял резвости до самого вечера. Вдали, в темнеющем небе, показались вершины гор Караспан, они надвигались все ближе и ближе, и вот сивочалый скакун, взбухшие мышцы которого играли и перекатывались по всему телу, понесся вдоль зеленеющих горных склонов. Наступили сумерки. Было время гдето между двумя вечерними молитвами — намазшам и куптан, когда стрелой летящий Тайбурыл упал, ткнувшись мордой в землю. Кобланды слетел с коня и, не поднимаясь на ноги, стал лихорадочно шарить по земле руками, пытаясь узнать, что повалило коня. Пальцы его наткнулись на край колоды, лежавшей в густой траве, позолоченной колоды, из которой когда-то Корткаслу кормила своего любимца Тайбурыла. Оказалось, Тайбурыл, проскакивая мимо, учуял запах Корткаслу, сохранившийся в вещи, которой она пользовалась, и потому со всего маху распластался на земле. Это была зеленая долина, где совсем недавно белели кипчакские юрты, к которым спешил Кобланды. Батыр расстелил потник, положил под голову седло и лег на том самом месте, где по его предположению стояла родительская юрта, в которой он вырос. Кобланды казалось, что он ощущает и родительское тепло. Что мне этот бренный мир!—пробормотал он себе, засыпая.— В одиночестве скитаюсь по земле.

Кобланды поднялся на рассвете, когда вокруг все прояснилось, огляделся и не смог удержаться от слез. Да, это были родные, знакомые до боли места: рядом светлел такыр, на котором он некогда до самозабвения играл в альчики, чуть дальше виднелась поляна, где он объезжал строптивного стригунка; Кобланды узнал и низину, в которой любил собирать черную смородину, и светлое озеро, в котором плавал, словно рыба. Он горько вздохнул, но в следующий миг взял себя в руки, стал седлать Тайбурыла. Теперь он был намерен поехать в долину близ озера Айнаколь, где находилась юрта Корткаслу. Он поднялся на высокий курган, придержал коня и долго, пристально вглядывался в озеро, волны которого, светясь под

утренними лучами, сливались с далеким призрачным горизонтом. На широком побережье было пусто. Он оглядел место стоянки аула и увидел кучу серой золы, собранную у очага. Кобланды тронул коня, подъехал к очагу, острием копья разгреб золу и наткнулся на узелок из скатерти. Он подцепил узелок копьём, поднял, развернул его: в скатерть были завернуты отборные куски жая, жал, а также сушеные фрукты — урюк, изюм и другие яства. Кобланды понял, что еду намеренно припрятала для него Корткаслу. Она верила, что Кобланды выйдет на поиски родных, и тогда в безлюдной степи ему понадобится еда. Кобланды подкрепился, положил остатки еды в коржун и тронул коня.

Тайбурыл, раздувая ноздри, помчался вперед по следам откочевавшего аула. Ему, как всегда, были нипочем ни глубокий овраг, ни отвесный яр. Тайбурыл скакал, грызя железные удила, и снова овраг казался ему не больше лунки очага, выкопанного в земле, а яр не выше бугорка. Каменные глыбы он месил, как тесто, камни дробил в мельчайшую пыль. От самого утра до вечера Тайбурыл ни разу не сбавил бега. Зашло солнце, опустились сумерки. И с первыми сумеречными тенями прямо спереди подул вечерний прохладный ветер. Он донес до ноздрей тулпара, несущегося одиноко в степи, нежный запах пальцев Корткаслу, и Тайбурыл и вовсе взвинул бег: казалось, он летел в воздухе, изредка касаясь копытами вершины холмов. Он несся всю ночь напролет и перед самым рассветом, когда родилась предутренняя прохлада, вышел к Золотым горам.

Знаменитые Золотые горы являлись родиной хана Алшагыра, и город его стоял у самого подножья каменных громад. Там, в этом городе, и жили на положении узников близкие и родные Кобланды. Батыр два раза объехал вокруг города, смутно проступавшего в утреннем бледном свете, и не нашел в крепостной стене ни ворот, ни дверей: город был обнесен глухой стеной. В этот утренний час внутри крепостных стен горько стенал старый Тохтарбай. В короткой, едва достигающей до колен нагольной рваной шубе, он вчера поздно пригнал овец с пастбища и, усталый, разбитый вконец, всю ночь не мог сомкнуть глаз.

О, создатель!—горестно причитал старик, покачиваясь из стороны в сторону.— За что ты лишил меня моего единственного сына, которого я еле выпросил у судьбы? Подобный могучему буре, возглавляющему стадо верблюдов, Кобланды был моей гордостью, покажи мне его один раз и

возьми навсегда мою душу! Подобно тулпару, царствовавшему над пегими лошадьми, он был вершиной моей жизни,— дай мне всего один раз услышать неповторимый его голос! Он был подобный черно белому быку, резвящемуся, поднимая клубы пыли вокруг озера,— яви его передо мной! Мое горе, стекая кровавыми слезами по бороде, ниспадающей по груди, увлажнило мой ворот. Моя печаль, выходя нескончаемыми слезами из глаз, помутила мои зрачки. Неужели я умру под пятой проклятого Алшагыра? Неужели мой сын не бросит на мою могилу пригоршню земли, когда меня настигнет стрела судьбы? У меня не было бы сожаления, если бы в последний час, умирая, я увидел бы сквозь смыкающиеся свои веки моего Кобланды, врезавшегося с боевым кличем в ряды джунгаров. Я бы ни о чем больше не просил у жизни, лишь бы увидеть Кобланды в прежней его неукротимой силе, сметающей врага!..

Не думал я, что в седой своей старости буду влачить жалкое существование. Не мог и предположить, что в свои девяносто лет я буду ходить в слугах нечестивца и полы моего чапана будут истрепаны колючками чингила, а грудь моя будет истерзана жестокими муками!

От причитаний Тохтарбая проснулась старая Аналык, дремавшая рядом с ним, и зарыдала вместе с мужем.

Мое сердце трепещет, будто зайчонок, в страхе мчащийся из лесу!— запричитала она в свою очередь.— Послушай меня теперь, старый Тохтарбай! Если бы слезы успокаивали душу, то давно бы отлегло от сердца — слез мы с тобой пролили целое море. Возьми себя в руки, мой несчастный Тохтарбай! Не жалуйся на судьбу так безутешно и горько, будто мы никогда не знали радостных дней! Мир непостоянен, изменчива жизнь. Когда наш единственный сын жил в Караспане, мой мир был беспределен, и ступала я по земле в золотых кебисах. Но не все еще потеряно... Ты видишь, старик, как странно веет ветром со стороны священной Кубылы? Это напоминает мне дуновение райского ветра. Не родился ли этот благодатный ветер от вихревого бега Тайбурыла? Посмотри, на небе плывут четыре тучки! Не те ли самые это священные тучки, которые нашему сыну подарил отец Корткаслу? О, создатель, сколько сегодня добрых примет! Мне кажется, все это неспроста! У меня дергается правая бровь — тоже к радости! О, небо, что это со мной творится сегодня?— задвигалась старуха, ощупывая себя.— И губы мои горят, как будто бы к поцелую! Может быть, я

поцелую своего единственного сыночка? И плечи мои ходят, будто торопятся, ждутне дождутся, когда на них накинут кунью шубу! Присмотрись ко мне повнимательнее, старик! Меня охватило нетерпение, будто бы грядет чтото хорошее, чудотворное. О, великий создатель, неужели я увижу своего единственного сына?—старая Аналык в волнении привстала на колени.— Неужели он обрушит небо Алшагыра на его голову и освободит несчастную Корткаслу? Неужто он накинется с грозным кличем на врагов и погонит их перед собой? Посмотри, старик, мои руки тянутся, будто бы для объятий!

Аналык то плакала, то смеялась, делясь со старым Тохтарбаем своими догадками и вглядываясь в плывущие в высоком небе четыре тучки: слабые, слезящиеся глаза ее теряли и снова находили темные клубья. Неожиданно из дырявой прокопченной кибитки выскочила Карлыгаш и бросилась к матери: — Мама, родная, я видела необычный сон! У меня вроде бы зазубрилась секира. Тогда я взяла брусок, поточила секиру, и лезвие снова засверкало, стало острым.— Она обернулась к Корткаслу, подошедшей к ним, и, радостно улыбаясь, продолжала свой рассказ.— Говорят, сироте снится хлеб. Так и я... Мне приснился любимый брат Кобланды. Он, оказывается, один взял город Сырлыккала. Затем к нему, когда брат находился в горах Каскырлы, приехал Караманбатыр, и они вдвоем направились к Кырлыккала. Брат перелетел на коне через рвы, одолел Казана, обратил его войско в бегство, освободил народ от рабства и вышел в обратный путь с богатой добычей. По дороге батыры встретили несметное множество лошадей, принадлежащих могучему хану Кобикти, попытались угнать их. Но от них сбежал сивый тулпар Тарлан, любимый конь хана, дал знать своему хозяину. И хану Кобикти удалось связать брата, когда тот крепко спал. Моя тетка — красавица Карлыга освободила брата, но следом за ним теперь уже на тулпаре Кокбести снова прискакал хан Кобикти. На этот раз брат убил Кобикти! Если сон мой вещий, то брат сейчас находится за крепостными стенами города!

Корткаслу, внимательно слушавшая Карлыгаш, обняла и стала целовать золовку в щеки:

— Ах, моя красавица, как ты обрадовала меня!—воскликнула она.— Совсем недавно я убивалась, считая, что стала добычей ненавистного врага, а сейчас воспряла духом! Ты спасла мне жизнь, мое солнышко! Думала, лучше

утоплюсь в воде, нежели на тугыр, предназначенный для сокола, позволю сесть ворону! Теперь у меня нет мысли наложить на себя руки.— Корткаслу облегченно вздохнула.— Разве не сама я велела подковать золотыми подковами Тайбурыла, которого растила, как родного сына? Он должен домчать сюда моего повелителя, ни разу не споткнувшись в горах и не соскользнув на камнях. Должен домчать!

Чуткие уши Тайбурыла, стоявшего за крепостной стеной, уловили громкий вздох Корткаслу. Он встрепенулся, узнав движение родной души, вобрал в себя воздух и призывно заржал. Когда пронзительный голос Тайбурыла долетел до слуха Корткаслу, кровь прилила к ее лицу. Придерживая подол платья, она бросилась по лестнице на крышу дома. Долго приглядывалась она к окрестностям города, пока не увидела Кобланды: он сидел на лесной поляне и ел с кончика кинжала мясо дрофы, которое поджарил на костре.

Корткаслу вне себя от радости спрыгнула с крыши. Кровь заходила в ней горячими волнами: заиграла алым румянцем на щеках, блеснула в уголках черных глаз, смешалась с дыханием. Ее охватило нетерпение. Надо сейчас же встретиться с Кобланды! Но как это сделать? Делать нечего, она направилась к Алшагыру. Вошла к нему. Хан удивился необычному превращению красавицы, любви которой безуспешно домогался вот уже несколько дней. Обычно она мгновенно сжималась и становилась неприступной, как только на глаза ей показывался Алшагыр, напоминала змею, которая собралась в клубок и готова броситься на врага. Сейчас Корткаслу трудно было узнать. Хан Алшагыр заулыбался, суетливо забежал, когда Корткаслу, плавно ступая, будто пава, и нежно улыбаясь, подошла к хану, его объял жар, когда увидел рядом с собой горящие бездонные глаза красавицы — не глаза, а очи. Но в следующее мгновение взгляд Корткаслу стал холодным и пронзительным, словно у сокола.

— Мой хан!—обратилась она к Алшагыру тоже холодным тоном, окончательно сбивая его с толку.— Даже ворованные украшения одевают на себя, а не прячут, не хоронят далеко от людских глаз. Ты захватил меня силой и держишь, словно пленницу. А ведь я росла, словно вольная рыба, плавающая в просторной воде. Как же ты хочешь понять мою красоту, держа меня взаперти? Красивое создание становится еще красивее, когда чувствует себя в своем привычном мире. Как же ты хочешь сохранить мою красоту,

держа меня в клетке? Позволь мне, мой хан, выехать из города,— попросила Корткаслу Алшагыра с неожиданной обворожительной улыбкой.— Я хочу развеяться, подышать вольным воздухом.

Алшагыру понравилась откровенность Корткаслу; пусть говорила она холодным тоном, но, слава всевышнему, не стало всегдашней отчужденности. Действительно, ни к чему держать ее в узде, подумал хан Алшагыр. Женщина есть женщина. Пусть развеется, может, отойдет, станет покладистее, мягче. И, соглашаясь с доводами Корткаслу, хан благосклонно кивнул ей. Как только Корткаслу вышла из покоев, хан вызвал к себе двух преданных рабов и двух рабынь и строгонастрого приказал им глаз не спускать с пленницы, следить за каждым ее шагом.

Когда Корткаслу с полосатым мешком в руке вышла из ворот и направилась к лесу, следом за ней последовали и четверо подосланных рабов. Однако шли они за пленницей недолго, затеяли между собой игру, а вскоре и вовсе отстали.

Корткаслу шла, торопясь, но чем ближе подходила она к лесу, тем сильнее ею овладевало желание испытать Кобланды. Всетаки немало воды утекло с тех пор, как они расстались, и немало пришлось им пережить за это время. Она сложила мешок вчетверо, положила за пазуху и, изменив походку, ступая теперь тяжело, вошла в лес.

Услышав запах Корткаслу, взвился вверх Тайбурыл, привязанный к дереву, порвал чембур и, не обращая внимания на окрик Кобланды, понесся рысью навстречу любимой хозяйке. Корткаслу не смогла удержать слез, когда увидела Тайбурыла, спешащего к ней. Тулпар подбежал, понюхал руки любимой хозяйки и, подогнув передние ноги, трубно заржал. Подошел Кобланды, и Корткаслу изогнулась в традиционном приветствии. Здоров ли мой Кобланды, подобный льву?—приветствовала она Кобланды.— Ты был самым дорогим сокровищем моим в этом мире, но тулпар Тайбурыл подоспел ко мне раньше тебя. Земля иссыхается, когда ты покидаешь ее, и зеленеет с твоим возвращением. Вернулся ли живым-здоровым в родные края, мой повелитель? Пока тебя не было, я попала в невольничьи сети; ходила и в служанках, была и в наложницах, пока ты был далеко: немало довелось мне пережить, мой повелитель! Не по своей воле я разделила чистую супружескую постель с ненавистным врагом. Теперь я жду ребенка, и твоя воля, как поступить со мной.

Кобланды окинул отяжелевшую Корткаслу с ног до головы и горестно вздохнул. Колени его обмякли, и он остановился, сделав навстречу ей шаг другой. Опустились руки, протянутые для объятия. Ушло, видать, мое время, Кортка,— произнес он глухим голосом.— Был бы я в родных местах, все бы случилось иначе. Кто не зарится на табун, оставленный без присмотра? Кто не норовит урвать себе лучшее и унижить достойного, видя, что он беззащитен? Мне нечего тебя винить, Кортка. Во всем виноват я сам. Но бывшее чувство не погасло, и ты для меня все равно останешься самой желанной и самой дорогой подругой жизни. Корткаслу не выдержала, видя, какие муки испытывает Кобланды, вытащила из за пазухи полосатую мешковину и бросила ее прочь от себя. Увидев, что Корткаслу никакого ребенка не ждет, а попросту разыгрывала его, Кобланды рассмеялся от охватившего его счастья.

Милая Кортка! Вдалеке я только тем и жил, что постоянно вспоминал о тебе!— Кобланды порывисто обнял невесту за тонкую талию и поцеловал ее в сияющие глаза.— Не было у меня большей мечты, чем увидеть тебя, обнять, прижать к своей груди. Слава всевышнему, встретились друг с другом.

У обоих влюбленных на глазах показались слезы.— Ты вела себя достойно своего высокого имени,— волнуясь, продолжал Кобланды.— Я глубоко удовлетворен твоим поведением и склоняю перед тобой свою голову. А теперь возвращайся в город, милая Кортка. Я сяду на Тайбурыла и возьму за горло Алшагыра! Передай мой привет соплеменникам, пригнанным в город, пусть сегодня ночью кипчаки забудут про сон. Времени у них достаточно, чтобы изготовить оружие и вооружиться по настоящему. Пусть соберутся на городской площади, как только услышат мой боевой клич. Тебе пора, милая Кортка, возвращайся в город. Как бы проклятый Алшагыр не принялся за моих бедных родителей, решив, что ты сбежала от него.

Корткаслу, легко и плавно ступая, зашагала в город. У низины следом за ней пристроились два здоровенных раба и две рабыни, подосланные Алшагыром следить за Корткаслу.

Слух о приезде Кобланды в короткое время распространился среди кипчаков: люди передавали его из уст в уста. Несмотря на то, что за ними

следила ханская стража, обрадованные узники, поплевав на руки, принялись готовить оружие.

Отправив Корткаслу в город, Кобланды взлетел на коне на вершину ближайшего холма. Он с нетерпением ждал Карлыгу, которая обещала подъехать сегодня к середине дня. Точно в условленное время и точно там, где он сам проезжал вчера, добираясь к городу, показались клубы пыли. Через несколько мгновений на расстоянии полета стрелы от клубов пыли показался сивый Тарлан, мчащийся в стремительном беге. Одновременно с сиянием золотого шлема Карлыги, которое ударило Кобланды в глаза, до него донесся радостный, переливающийся серебром девичий голос. Сердце Кобланды чуть не выскочило из груди. Он выпрямился в седле и, не отдавая себе отчета, потер зудящиеся кулаки, будто готовился вступить в схватку с ханом Алшагыром. На миг рассеялась пыль, и Кобланды увидел знаменитого Кокбести, мчащегося на хвосте Тарлана. На нем скакал Караманбатыр. И стоило Кобланды узнать своего сверстника, как он начисто забыл все свои обиды, накопившиеся на друга. Ему показалось, что между ними не было никакой размолвки, и они никогда не расставались на дорогах нескончаемой войны. Он сбросил мизинцем с угла глаз непрошенную горячую слезинку, громко закричал, приветственно махая рукой друзьям, скачущим теперь бок о бок, и увидел, что рядом с ними, рассекая тучи пыли, мчится третий всадник. «Вот тебе и на!—подивился Кобланды, глядя на всадников.— Ну и Карлыга, молодцом! Я думал, буду мыкать одиночество, а она собрала со всех сторон света моих единомышленников и привела прямехонько ко мне!» Кобланды почувствовал себя на седьмом небе от радости. Три всадника, несущиеся ему на подмогу, представились ему целым войском. «Сидит в седле, словно влитой,—стал рассуждать Кобланды, приглядываясь к незнакомцу.— Кто же это? Уж не Оракбатыр ли? О нем кияты в последнее время не раз упоминали во время похода. Похоже, что это он скачет мне на помощь! Заговорила, видно, в нем кипчакская кровь!—обрадованно заключил Кобланды, вспоминая, что мать Орака — кипчачка, которую когда-то выдали за киятского воина.— Как же можно оставаться в стороне, когда родину матери осквернил враг? Ах, Карлыга, что ты только не сделала ради меня?»

Тем временем все три батыра взлетели на холм и остановились возле Кобланды. Он поочередно обнял Карлыгу и Карамана, потом с улыбкой

взглянул на молодого широкоплечего батыра, приветственно протянувшего ему руку.

Неужто судьба свела меня с Оракбатыром? Говорят, он не ведает жалости к врагам, а меч его разит без пощады!

— Ты не ошибся, Кобланды,— с достоинством ответил молодой воин.— Приветствую тебя, батыр!

— Приветствую и тебя, дорогой Орак! Признателен тебе, племянник, что отозвался на мой призыв!

Недавно только услышал о том, что на наши степи совершил набег хан Алшагыр, и готовился было идти за ним в погоню,— улыбаясь, стал объяснять Оракбатыр.— А тут прискакала Карлыга, велела идти с ней, вот и примчался к тебе. Веди нас теперь сам!

Полный радости, Кобланды снова заключил батыров в крепкие объятия.

В стане хана Алшагыра

Эй эй эй! Черный ангел, Расскажи мне всю правду! Желтый ведун, веди меня с толком!—бормотала старая мать хана Алшагыра, раскрыв перед собой волшебную книгу.— Говорите, они подошли к городу? Говорите, что пришли, горя мезтью? Проклятье!..

Старуха, досадливо морщась, отодвинула от себя книгу.— Эйэйэй! Кто это стоит? Говорите, они не успокоятся, пока не добьются своего?— забубнила снова старуха через некоторое время.— Я вижу лютую враждебность в его хмуро сведенных бровях и чувствую бездонную ненависть, кипящую в его груди? Кто же он? У него крупный с горбинкой нос, карие глаза, привлекательное лицо. Выражение непримиримого гнева пылает на его красивом лице, похоже, это и есть сам Кобландыбатыр! Рядом с ним другой батыр, на лице стынет ледяное выражение, а из глаз сыплятся искры, это, конечно же, Караман, сын Сеильды! Пайпайпай! — воскликнула старуха, не в силах сдержать свои чувства.— Как кружится долгая грива Тарлана! Сусу!—испуганно заохала старуха, вглядываясь в колдовскую книгу.— А это еще кто? На голове кунья шапка, одетая набекрень. Кость как будто наша, а мясо чужое... Уж не Карлыга ли это? Будь ты проклята, старая, что еще выглядела себе на беду?—запричитала старая ворожея, ругая себя.— Еще один... Сомкнул густые брови, прикрыл ими глаза, сам на длинном игреневои скакуне, прекрасно объезженном и подготовленном к долгому походу! Не напоминает ли он своим обликом юного Орака, который в будущем пожнет небывалую славу? Да, да, это он — Орак!.. Будьте вы все прокляты!...

От страха у старухи глаза чуть не вылезли из орбит. Она оттащила в сторону книгу и, горбясь под тяжестью прожитых лет, засемила во дворец сына. Перевела дух, лишь достигнув изголовья Алшагыра, лежащего, словно холм, на четырех настеленных друг на друга толстых коврах.— Ойбай, сынок, вставай!—заверещала старуха, наклонясь над сыном.— Я раскрыла волшебную книгу, обратилась к чудотворным силам — и обомлела! Увидела четырех батыров, подобных четырем столпам мира,— и застыла от горя! Прибежала к тебе, сынок, чтобы предупредить тебя о том, что объявился Кобланды. Вставай! Готовься к бою!

Алшагыр потянулся в постели, хрустнул суставами. Открыл глаза, недовольно прищурился, опустил брови, сморщился. — Эх, мать, ты, я вижу, совсем выжила из ума! — пробормотал он сонным голосом. — Покуда цела моя рука, способная натянуть тетиву лука, мое сердце не испытает тревоги. Собственную ресницу, мать, должно быть, ты приняла за войско! Кобланды, который бился с Казаном, был повержен ханом Кобикти. Разве что его давно высохшие кости приبلудились и ломаются в мои ворота в поисках пристанища. Какой искусной ворожеей ты не считалась бы, мать, но на этот раз дала маху!

Видя, что сын не придавал значения ее словам, старуха взывала от горя и негодования.

Ой, сынок мой! В народе говорят, что удача сопутствует воину, который одним ухом спит, а другим прислушивается! Я вижу, ты не склонен принять всерьез мои слова. Заклинаю тебя, сынок, проснись, отряхнись ото сна! Разгонится сивочалый Тайбурыл — затопчет копытами, он из таких скакунов! Твои лошади станут носить чужое клеймо, овцы будут носить новую отметину, — в твоих владениях появился враг! Скатится с неба твоя звезда, и на твой трон взойдет Кобланды, — он из таких батыров! Но хан Алшагыр слушал старую мать вполуха.

— Мне, бедной твоей матери, видимо, придется самой искать спасения, коль мои слова пролетели мимо твоего уха! — стала сердиться мать хана. — Я выведу дочь Каникей из города в крытой повозке. А ты поступай, как хочешь. Постараюсь сделать так, чтобы твоя единственная сестра не попала на глаза врагам, не угодила во вражьи руки! А ты все же образумься, мой сын! Дни твои сочтены!..

Старуха забежала по двору. Единственным ее помыслом было сохранить дочь Каникей, считавшуюся первой красавицей края. Старуха посадила дочку в золоченую повозку с верхом, наглухо занавесила оконца и тронула вожжи. На пару скакунов, запряженных в повозку, со свистом посыпались частые удары камчи.

— Откройте ворота! — вскричала старуха, подъезжая к страже, охраняющей одни из крепостных ворот. — побыстрее! Воины по голосу узнали старую сварливую ханшу и не стали задерживать ее. Ворота со скрипом раскрылись, и золоченая повозка, будто ртуть,

выскользнула наружу и понеслась в степь, окутанную предутренним сумраком.

Но старухе не повезло. Недалеко от ворот, придерживая поводья Тарлана, стояла в засаде Карлыга. Увидев верх повозки, блеснувший в лучах утренней звезды Шолпан, Карлыга устремилась за ней в погоню. Тарлан вытянулся в беге и тут же достал повозку. Карлыга рванула из ножен саблю, полоснула заднюю стенку верха повозки и одним рывком вытащила из нее дрожащую, онемевшую от страха девушку и бросила себе на седло.

Ничего не подозревавшая старуха даже не обернулась назад. Она изо всех сил стегала мухортовороных в полной надежде, что выскочила из города незаметно и теперь, возможно, скроется в широкой степи. Вскоре и в самом деле ханская позолоченная повозка, стремительно катя по дороге, растворилась в утреннем зыбком мареве.

Ловкость, с которой Карлыга догнала повозку и вытащила из нее девушку, видели все трое ее боевых товарища. Караманбатыр выскочил на коне ей навстречу и встретил Карлыгу восторженными восклицаниями. — Пайпай, душа моя Карлыга!—закружил он на коне вокруг нее.— Мне так весело, будто не ты, а я сам обморочил голову этой старухе! Ну и ловка же ты! Ловка и сильна, ничего не скажешь! Но сама знаешь, батыр должен пройти испытание и на щедрость! Сауга, Карлыга! Предъявляю права на твою добычу, Карлыга! Посмотрю, так ли ты щедра, как смела? Лицо Карамана расплылось в улыбке, и глаза его не отрывались от красавицы Каникей.

Карлыга словно пронзила Карамана своим взглядом. — Сравнила бы тебя с тростником, буйно разросшимся на болотной воде, но ты оскорбишься, Караман! Я сравнила бы тебя с колючкой, не ведающей, что такое почки, но ты скажешь: очернили тебя! Но ты, кажется, только и знаешь, что жить с протянутой рукой! Можно подумать, что все, чем ты сейчас обладаешь, ты добыл, благодаря сауга! Можно подумать, что я гоняю Тарлана так, что он весь в мыле, только для того, чтобы обогатить или осчастливить какого-то киятского батыра! К слову сказать, ты ведь домогаешься и меня!

Караман то бледнел, то краснел, слушая безжалостные слова Карлыги. В замешательстве отъехал от нее, но потом снова вернулся.

Тяжелые слова сказала ты мне, Карлыга!—промолвил он в ответ.— Думаешь, я не понимаю тебя? Но разве Кобланды не сказал однажды, что ты для него не добыча, а друг, которому обязан жизнью? Перешел он мне дорогу этими словами. Не посмел я тебя тронуть, ждал, когда сама выкажешь свои чувства. Отдай мне Каникей и будь свободна, Карлыга! Горячие слезы брызнули из глаз Карлыги, когда она услышала слова, извещающие ее о долгожданной свободе. Брызнули слезы из черных очей и попадали на густую черную гриву Тарлана. Она вручила пленницу Караману и, получив свободу, с мольбой посмотрела на Кобланды, стоящего в стороне.

Все свое чувство, всю свою страсть, всю любовь вложила девушка в этот взгляд. А батыр глядел на город, в котором томились его близкие, его соплеменники, всю ночь ожидавшие сигнала к выступлению. Теперь, когда их стало четверо, словно бы образовался хоть невесть какой, но аул, и у молодых людей завязался разговор, родились шутки, зазвучал смех. Особенно оживленной была красавица Каникей, которая наконецто избавилась от опеки старой привередливой матери. На лице девушки играл яркий румянец, и она то и дело звонко и весело смеялась, слушая Караманбатыра. Да и было ей отчего смеяться—вовсю разошелся Караман. Стоило ему только разомкнуть уста, как сыпались шутки, достаточно было шевельнуть языком, как рождались неожиданные остроты. Похоже, красавица Каникей пришлась по сердцу джигиту: он старался понравиться ей. А Каникей оказалась открытой и доверчивой девушкой. Недолго думая, она перебралась на правое колено Карамана, завладела его, как всегда туго набитым едой коржуном, перебрала содержимое и, вынимая оттуда то или иное лакомство, под смех всей компании, принялась угощать батыра. Делала она это балуясь, словно ребенок, непринужденно, сама в свою очередь подшучивая над Караманом. Всем стало легко на душе. Между тем погасла утренняя звезда Шолпан, наливаясь золотом, посветлело небо. Кобланды встряхнулся, пружинистым движением поднялся с места. За ним засобирались и остальные: облачились в доспехи, прикрепили к поясам мечи и сабли, взяли копыя, подтянули подпруги коней. Ну, батыры, выступаем!—сказал Кобланды, садясь на затанцевавшего сивочалого.

Вскоре они были у крепостных ворот. Грозный боевой клич Кобланды, раздавшийся под стенами, разнесся на расстояние семидневного пути кочевья. Алые лучи зари играли на знамени батыра.

Поединок

Под утро Алшагыру, беззаботно спавшему в своем дворце, не чужая нависшей над собой опасности, приснился дивный сон. Он видел во сне, будто состоялась его долгожданная помолвка с красавицей Корткаслу, любви которой он жаждал давно. Опьяненный ласковой уступчивостью девушки, Алшагыр отдал распоряжение готовить пир на весь мир и только стал снимать легкое покрывало, закрывающее ее лицо, как до слуха его долетел крик, полный яростного гнева. Словно львиный рык прокатился над землей, будто тигриный рев потряс ханский дворец. Нежный лик Корткаслу увидел Алшагыр под невесомым покрывалом, а горящие лютой ненавистью глаза: от неожиданности он отшатнулся от нее, защищаясь рукой, сделал шаг и проснулся. Сон развеялся как дым, но зычный грозный крик, раздававшийся над городом, был наяву.

Алшагыра мгновенно бросило в пот. Он понял, что у ворот раздается голос Кобланды, и почувствовал, как тяжело стало в груди. «Бедная моя мать!—успел подумать хан.— Ты была как всегда права, говоря о приближающейся беде. Что же теперь мне предпринять, как поступить?» Но как бы горько ни раскаивался хан Алшагыр, он понимал, время уже упущено. Оставалось одно, полагаться только на свои силы, на собственную смекалку: никто из его пышного окружения в помощники не годился. Он поднялся с постели, точно зная, как ему теперь поступать. Надел на себя кольчугу, самую плотную из всех, какие имел, с мелкой сеткой.— На каждом стальном колечке девять других, вдел локоть в ремень, который крепился на красном древке копья, и только после этого вышел наружу и грозным окриком отдал распоряжение подать коня.

Слуги и стражники молча, ступая на носках, вывели из конюшни вороного мерина с лысиной на лбу, провели его, нетерпеливо танцующего, по кругу и подвели к Алшагыру. Крепкий, статный скакун, волнуясь, приплясывал на месте; он взглянул на хозяина, наклоня высоко поднятую голову, узнал его и приветствовал негромким ржанием. Слуги положили на спину вороного золотое седло, связали ему хвост в тугий узел. Алшагыр взгромоздился на коня и, насупив густые брови, направился к

воротам. В это время за крепостной стеной, поднимая Тайбурыла на дыбы, метался Кобланды, весь кипя мезтью.

Эй, Алшагыр!—кричал он, вызывая хана на поединок.— Ты что, стал трусливой бабой, избегающей поединка? Не заставляй меня долго ждать! Только вооружись как следует, надень свои доспехи! Пришел твой смертный час! Я заставлю тебя задохнуться в своей собственной крови, словно глупого козленка!

Слова соперника задели хана. Алшагыр со злости стегнул несколько раз коня и, вращая копьем, чтобы придать силу первому удару, выскочил из ворот.

Ты хотел увидеть меня?—заревел он в ответ Кобланды.— Нука, посмотрю я, на что ты способен!

Кобланды с горящими, как у лиса, глазами в тот же миг взял на изготовку свое копье и тоже рванулся навстречу Алшагыру. Словно два неукротимых вала, вздымая густую пыль, неслись оба батыра, и по пути враз ударили копьями в каменную глыбу, лежащую на дороге. Острия копий вошли в камень на целый вершок. Все, кто оказались свидетелями чудовищной силы батыров, от ужаса схватились за ворот. Наконец Кобланды и Алшагыр сошлись на полном скаку, с треском вонзили копья друг в друга и остановились, словно уперлись в стену. Не выдержали могучего напора кони, подогнулись передние ноги, пришлось им, гордым тулпарам, постоять на коленях. От нечеловеческих усилий онемели ноги батыров, охвативших бока коней; пальцы словно срослись друг с другом, и руки, держащие копья, стали двупалыми.

Скакуны в какой-то миг разминулись, отскочили в разные стороны. Теперь настал черед блеснуть искусством владения кинжалами. Но после нескольких искрометных ударов кинжалы тоже затупились. Тогда Кобланды быстрым движением вынул из ножен мечалдаспан и снова бросился на врага. Лицо Кобланды пылало гневом, в глазах, казалось, собралась вся ненависть, на которую только способен человек. Сабля его сверкала в воздухе, он брал верх, еще немного — и голова Алшагыра, неуспевающего отражать молниеносные удары батыра, слетела бы с плеч. Алшагыр тоже почувствовал приближение своего конца и, вконец измотанный схваткой, бессильно закрыл глаза. Он готов был принять смерть от руки своего врага.

Эй, Алшагыр!—крикнул ему Кобланды.— Бери копьё! Даю тебе еще одну возможность показать свое воинское искусство!

Кобланды и сам взял в руки копьё. Сила была на его стороне, он мог бы сейчас сразиться на любом оружии. Копьё, воткнутое в Алшагыра, с размаху, пронзило его всего, раздробив кости. Огромное тело хана стало падать на землю.

За поединком смотрели два сына сорокапятиаршинного Кызылера, который когда то тоже погиб от руки Кобланды. Братья Аганас и Тоганас слыли теперь известными кизилбашскими батырами и сейчас с нетерпением ждали конца поединка, чтобы отомстить Кобланды за смерть своего отца. Едва голова Алшагыра коснулась земли, как оба батыра с налившимися кровью глазами бросились на Кобланды.

Кобланды не ожидал, что столь вероломно будут нарушены правила поединка, которые в степи всегда соблюдались неукоснительно. В мгновение ока братья взяли Кобланды в тиски. И хотя батыр умело защищался против двоих, но вскоре копьё братьев одновременно ударили его, и Кобланды покачнулся в седле. Как всегда внимательная к товарищам Карлыга и на этот раз подросла на помощь батыру Кобланды. Огрела камчой Тарлана и, очутившись рядом с воинами, одним разящим ударом копьё скинула с седла Аганаса. Кобланды собрался с силами и сам справился с его братом Тоганасом.

Многочисленная толпа, сгрудившаяся по обе стороны от места поединка, бурлила. Сплошной рев стоял над землей. Небо закрыла пелена пыли.

— Ойбас! Ойбас!— колыхалась толпа кипчаков, выкрикивая племенной клич.

— Ойрат!—бесновалась сторона мертвого хана Алшагыра.— Ойрат! Подстегнутый боевым кличем, вышел в круг огромный, как верблюд, батыр Актайлак, слывший непревзойденным борцом. Но его перехватил Оракбатыр. Не успели люди моргнуть глазом, как Актайлак бездыханной тушей уткнулся лицом в землю. Увидев смерть Актайлака, сел на коня его сын Наркызыл и с криком, напоминающим рев вола, поскакал к батырам,

осыпая их градом хвостатых стрел. Вылетел на середину площади и хрипло закричал:

— На поединок!

Молнией метнулся к нему Караман, который все утро ждал своей очереди сцепиться с врагом и нетерпеливо закружился на Кокбести. Видно, батыр заждался своего часа, а, может, все эти дни копил силы для подобного поединка, но одолел он Наркызыла играючи, очень уж легко. Как говорится, поддел острием копья, и дух из врага вон.

Тогда из городских ворот медленной рысью выехал на коне черный великан Кара — голова с добрый котел, палица под бедром в сорок батпанов. Великаном он был настоящим, казалось, к людям приближается гигантский холм, а не живой человек. Тень от его туловища покрыла землю на расстояние ягнячьего перехода.

Карлыга, увидев великана, снова огрела камчой Тарлана и рванула навстречу врагу. Людям она показалась изящной серной, устремившейся к громадной черной горе, но спустя мгновение великан Кара покачнулся от натиска Карлыги и рухнул на землю.

Следом за ним, размахивая черной палицей, выскочил было другой джунгарский батыр Кара, но он тут же испустил дух под копьём Кобланды. Единоборство батыров продолжалось, и четверо батыров, предводимые Кобланды, по очереди повергали своих соперников наземь. В городе в это время гостил сын хана Кобикти Биршимбай, который привез Алшагыру весть о том, что Кобланды пленен и находится в темнице. Пятнадцатилетний юноша достиг своего: Алшагыр согласился выдать за него свою единственную сестру Каникей, и Биршимбай ждал помолвки, чтобы увезти девушку к себе на родину.

Утром он проснулся от оглушительных криков, доносящихся со стороны крепостных ворот, понял, что идет единоборство батыров, но что-то удержало юношу от мысли принять в нем участие. Он вошел в покои своей невесты, нашел постель Каникей пустой и пришел в сильное негодование. Еще больший гнев охватил Биршимбая, когда он услышал о том, что Кобланды освобожден из плена и появился здесь, у стен города, принадлежащего его будущему тестю Алшагыру. Недолго думая, он вскочил на своего серопегого

скакуна, бросил его на дыбы и выскочил за ворота. Глаза Биршимбая, налившиеся кровью, ничего не видели. Во всяком случае, четырех батыров, жаждущих новых схваток, он не принял всерьез: для него они были чем то единым, одним человеком, просто врагом. Не сбавляя скорости, Биршимбай проскочил мимо них, молниеносным движением успев нанести каждому ощутимый удар копьем. Проскочил мимо и, дернув за один повод узды, как поступают в очень большой спешке, завернул серопевого назад. Не давая соперникам ни малейшей возможности прийти в себя, он прошелся еще раз, снова нанося уколы. Отражать его удары было совершенно невозможно. После третьей сокрушительной атаки Биршимбая все четверо едва держались в седле.

Видя, что с Биршимбаем им не управиться, Карлыга скинула со своей головы шлем. Черные длинные волосы ее заструились до самой земли. Биршимбай узнал сестру и остановился, словно вкопанный.

— Сестрица родная!—огорченно воскликнул он.— Прости меня, я не узнал тебя! Да и как было узнать, когда ты очутилась среди врагов? Думал, кто-то из казахских батыров... Знал бы что это ты, я бы вонзил копьё себе в сердце!

Биршимбай виновато склонил голову перед сестрой, и Караманбатыр, словно ожидавший этого момента, оглянулся по сторонам и изо всей силы вонзил копьё ему в шею.

Обхватив руками шею серопевого коня, скользя по долгой гриве, падал на землю пятнадцатилетний Биршимбай, но по пути к смерти нашел взглядом Карлыгу.

— Прощай, милая сестра!—еле слышно успел прошептать юный батыр.

Карлыга заплакала от жалости к брату.

Караманбатыр догнал серопевого, испуганно бросившегося в сторону, зацепил чембур и присоединился к своим боевым товарищам с таким видом, будто совершил самый что ни на есть доблестный поступок. После того, как были повержены лучшие батыры, многочисленное войско джун гаров, выглядевшее будто отара, оставшаяся без пастуха, сдалась на милость победителям.

Из города вышли последние узники, предводимые старым Тохтарбаем, с радостными криками окружили батыров. Кобланды обнял отца, объявил о победе.

Глаза людей светились радостью. Получив свободу, о которой они мечтали денно и нощно, степняки теперь жаждали поскорее попасть на родину, увидеть родных и близких. Стали собираться в дорогу. Кипчаки разобрали все свое имущество, отобранное у них джунгарами, распознали и отбили из общих табунов и стад свой скот и длинными кочевьями потянулись в сторону благословенного Караспана. По дороге, по которой некоторое время назад они со слезами на глазах шли в чужую сторону, люди возвращались теперь домой с радостными песнями. Былые жалобные стенания, сопровождающие их дорогой, заменили веселые шутки и смех. Какая ширь раскинулась вокруг! Сколько не пой песен, а все мало сердцу! Какой красивой предстала людям родная степь! Не налюбуйешься, сколько ни смотри! Три месяца и три дня находились в пути кипчаки, перенесли долгие дожди и суховеи, выдержали все бури и грозы, прежде чем достигли подножья гор Караспан и вновь воздвигли свои юрты.

Рассказ о том, как Кобланды женился на Кортка-сулу

После того, как кипчаки, подобно вернувшимся на родину птицам, заселили свои владения, на **Караспаные** забурлила полнокровная жизнь. Кобланды и красавица Корт каслу были помолвлены давно, с того дня прошло немало лет, но они еще не были мужем и женой. За эти годы Корткаслу стала еще красивей. Стоило ей разомкнуть уста, как изо рта, величиной с наперсток, лился звонкий серебряный смех; стоило поднять ресницы, как вокруг нее начинало исходить сияние. Кобланды, покоренный ее красотой, умом и верностью, не хотел больше откладывать свадьбу. Девяносто две молодые красивые женщины были отряжены в сваты Корткаслу. Девяносто две красавицы направились к невесте, и от звона их украшений зазвенело в ушах. Девяносто две красавицы взяли невесту под руки и ввели ее в белоснежную юрту, поставленную для молодоженов. Поставили перед ней блюдо с ломтями наискосок нарезанного жая, поставили полный кубок с медом. Потом одни стали нарочито бранить жениха, чтобы испытать его характер, другие принялись судить о достоинствах и недостатках жениха, третьи осыпали его колкими шутками. Одни поругивали Кобланды, другие наоборот, стояли за него горой. «Мы — сваты!»—коклетливо восклицали они, угощаясь кусочками жал и жая. «Мы — сваты!»—игриво объявляли они, распивая мед и вино. Шашу — свадебные гостинцы, которыми гости осыпают новобрачных с головы до ног, образовали целые горы. Девяносто две красавицы получили в дар девяносто две нарядные одежды. Каждой подарили по коню. Как было после таких даров не источать улыбки и не исторгать из сердца самые лучшие пожелания, не быть приветливой, услужливой и заботливой? «Он утомился в пути, пусть понежится!»— говорили постельные сваты, вытрясая соболиные одеяльца, постеленные под ноги. Взбивали каждое одеяло, прежде чем стелить, складывали их друг на друга, тщательно разглаживая ладонями каждую складку, пуховые подушки на них возвышались невесомыми пенистыми гребнями. Управились постельные сваты со своими обязанностями, когда догорал закат. И тогда все девяносто две красавицы окружили Кобланды и, приведя его за руки к белой юрте, повели вовнутрь, где его ждала Корткаслу.

Когда Кобландыбатыр вошел в белоснежную юрту, где его ожидала Корткаслу, Карлыга находилась одна в своем белом шатре, разбитом в глухом ущелье гор Караспан. Она любила Кобланды, и в глубине души надеялась, что судьба улыбнется ей, но батыр остался верен своей невесте. Девушка убедилась, что Кобланды потерян для нее, и не могла этого пережить, ушла в горы, уединилась в шатре.

В белоснежной юрте, поднятой у подножья Караспана, звучал счастливый смех, а в белом шатре, укрывшемся в узком ущелье, лились горькие слезы. Тут слышались печальные вздохи девушки, забытой ее боевыми товарищами, людьми, забытой всеми. Тут раздавались приглушенные рыдания, которые никто не слышал. Отважный Оракбатыр, о подвигах которого много говорили в народе и который приглянулся Карлыгаш, теперь уже сам старался почаще попадаться на глаза миловидной девушке. Кобланды лишь обрадовался, когда заметил это обоюдное стремление молодых людей друг к другу. Орак протянул ему руку помощи в трудное, безвыходное для Кобланды время, и он давно думал над тем, как по достоинству отблагодарить юного батыра. Судьбе же было угодно, чтобы они породнились между собой. О большем Кобланды и не мог мечтать. Он переговорил с сестрой, а потом с Орак батыром и с благословения отца Тохтарбая скрепил союз двух юных сердец. Устроил пышную свадьбу: тридцать дней длилось веселье, не стихали игры, сорок дней не сходили с дастарханов угощения. Кобланды, познавший на себе, что значит долго жить вдали от родины, не стал задерживать молодых в ауле. Как только закончились свадебные торжества, он собрал Орака и Карлыгаш в дорогу. Приданое невесты составило целый караван.

Через несколько дней к Кобланды пришел Караманбатыр. Ну, что ж, мой друг!—обратился он к Кобланды.— Пожалуй, пора и мне в путь! Загостился я тут у тебя. Что ни говори, а сделал я немало. Соединил тебя с Корткаслу, выдал Карлыгаш за Орака... Видишь ли, стоит однажды отдаться воле девушки, как начинаешь жить с оглядкой. Сам знаешь, у меня тоже есть своя повелительница. Твоя сверстница Каникей не дает мне покоя, затеребила меня, торопит домой. Я хотел бы надеяться, что вы с Корткаслу приедете к нам и объявите нас мужем и женой.

Батыры обнялись и попрощались друг с другом.

Как только Караман и Каникей выехали из аула, Кобланды и Корткаслу приступили к приготовлениям, необходимым для поездки на свадьбу своих друзей. Полагая, что ехать верхом будет утомительно, Кобланды заложил для жены крытую повозку, сам сел на Тайбурыла, взял с собой триста лихих джигитов и ранним утром двинулся в путь. Издавна повелось в степи, на свадьбу едут весело: поют песни и играют кюи. Так было и на этот раз: песни, взлетая ввысь, пропадали в синеве, кюи, переливаясь, достигали до самого горизонта. Если добавить сюда шутки, которыми молодые люди щедро осыпали друг друга, веселые прибаутки, взрывы смеха, частые игры, затеваемые на ходу, короткие скачки, во время которых джигиты испытывали резвость своих скакунов, то можно представить, каким разноголосым шумом и гомоном наполнилась степь на всем пути следования кавалькады. Звуки эти долетели и до белого шатра, одиноко приткнувшегося в ущелье, заставили Карлыгу выйти наружу. Глаза девушки сразу выхватили из толпы Кобланды и Корткаслу, едущих в пестром окружении лихих джигитов. Вспыхнула Карлыга, напряглась, от света полуденного солнца, упавшего на ее лицо, заиграли огоньки в ее черных печальных глазах, выдавая волну чувства, охватившего девушку. Она почувствовала, что не сможет больше оставаться в стороне от жизни, не в силах стоять у шатра, мыкая одиночество; ее неудержимо влекло к Кобланды.

Она появилась перед кавалькадой на танцующем Тарлане, с развевающимися перьями на куньей шапке.

Приветствую вас, Кобланды и Корткаслу!—заговорила девушка, гарцуя на сивом тулпаре.— Путь вам вышел через мой шатер, прошу вас остановиться у меня! Батыру мой одинокий шатер может показаться убогим, но сестра моя, надеюсь, не побрезгует моим гостеприимством. Кобланды тронул поводья, не произнеся ни слова в ответ. Тогда Карлыга развернула коня так, что Тарлан и Тайбурыл уткнулись друг в друга ноздрями.

— О, Кобланды, подобный льву!—обратилась она к батыру Кобланды, и в голосе ее прозвучала обида.— Как ты мог забыть то, что я ради уважения к тебе пренебрегла родиной? Ради тебя я, неблагодарная, покинула родное гнездо и жертвовала в бою своей жизнью! Где же твоя благодарность, Кобланды? За что ты обрек меня на жестокие мучения? Я захлебнулась в море слез, забыта тобой, брошена на унижения? Сестрица, прошу тебя,

погости хоть ты у меня! Хотя бы ты одна! Почти мой дом вниманием! Корткаслу обратилась с просьбой к мужу, но Кобланды был непреклонен. Он просто молчал. Потом повернул Тайбурыла, поехал прочь, за ним последовала повозка в окружении джигитов.

Слезы брызнули из глаз Карлыги, омыли белое лицо. Она едва добралась до своего шатра, упала, собралась в комок и заплакала от боли.

Сын Кобланды - батыр Бокенбай

Пролетел день, считай, пройдет и месяц, и в урочный час на белый свет появляется новая жизнь.

Подошло время, и у Корткаслу родился ребенок. Занималась заря, когда новорожденного подхватили сорок одна женщина и с трудом подняли с земли. Подняли с земли и стали заворачивать его в соболиное одеяло длиной в сорок один аршин, но от первого же движения ребенка одеяло разорвалось на лоскутья. Ахнули женщины, видя необычную силу младенца, бросились к Тохтар баю, чтобы сообщить ему радостную весть. Поскакали во все стороны джигиты, оглашая окрест: — У Кобланды родился сын, подобный льву!..

Кобланды праздновал рождение сына девять дней. По окончании пира была совершена большая молитва, и ребенка нарекли Бокенбаем. Бокенбай рос не по годам, а по дням. В возрасте одного года он научился натягивать тетиву лука, а через год стал предводителем воинской дружины. В три года Бокенбай играл в бабки каменной глыбой величиной с добрый котел, а еще через год остановил дикого неука, схватив его за хвост. В пятилетнем возрасте Бокенбай одолел всех силачей, а в шесть лет стал искать врага, чтобы помериться с ним силами.

Кобланды выбрал Бокенбаю под седло саврасого жеребца. Хоть и был Бокенбай еще мал, но недаром его родила Корткаслу, искусный знаток лошадей, саврасого своего он держал в теле, строго: волоску из гривы не дал упасть, но и не давал коню зажиреть.

Однажды Бокенбай подошел к Кобланды и заговорил, щелчком пальца сдвинув бобровую шапку на самый затылок. — Отец, от табунщиков давно уже нет вестей. Что, если я навещу их?

Побываю у них в косах, узнаю, как поживает дядя Естемис. Кобланды улыбнулся, услышал в словах сына отголоски своего детства. Кивнул Бокенбаю, разрешая ему ехать к табунщикам, а сам подумал: «Вот я и оперился — заимел крылья и хвост! Кажется, еще вчера горевал, проклиная одиночество, а теперь мой сын пошел присматривать за табунами».

Хан Шошай, доводящийся племянником Кобикти, решил отомстить за своего дядю, а заодно покорить казахов и, собрав сорокатысячное войско, выступил в поход. Он дошел до Караспана, незаметно окружил аул Кобланды и на рассвете внезапно напал на кипчаков.

Испуганно вскочила с постели Корткаслу, разбуженная гулом копыт, поняла, что на них напал враг, бросилась тормошить Кобланды, но разбудить батыра, уснувшего крепким сном, было не так-то просто. Не зная, как поступить, она судорожными движениями стала обмахивать яркокрасным платком лицо мужа.

Кизилбашы были уже в ауле, когда хан Шошай укротил свой гнев и зычным окриком осадил войско.

— Хватит, остановитесь!— повелел он.— Не годится нам убивать Кобланды спящим! Отойдите назад, отступите вон в ту долину. Не буду брать его врасплох, а возьму его наяву — дрожащего, с душой, ушедшей в пятки! Пусть оденется, подготовится к бою! Пусть собирает своих джигитов!..

Войско кизилбашей отошло, выстроилось рядами у самых гор, когда проснулся Кобланды. Проснулся от легких взмахов платка и расстроился, узнав о нападении кизилбашей. Опять он оказался застигнутым врасплох! Стал торопливо одеваться, но все валилось из рук: не нашел шапки, надел на голову тубетейку, не смог одеть чапан, одернул полы рубашки, в которой спал. Наконец он выбежал из дома, белея рубашкой, с копьем в руках. Услышав голос хозяина, заржал Тайбурыл, находящийся в соседней юрте; Корткаслу отвязала горячившегося коня, оседлала и привела его к батыру. И как только Кобланды сел на своего боевого коня, он снова обрел былое мощное дыхание.

— Кто он, этот ничтожный, осмелившийся войти в мой аул в неурочный час и побеспокоивший меня?—закричал он, угрожающе размахивая копьем.— Я не позволю обидеть мой народ! Кто бы ты ни был, покажись на мои глаза и получи свое сполна!

Громкий голос Кобланды прокатился за шесть холмов и достиг седьмого холма. Вне себя от гнева, он поскакал к кизилбашам, выстроившимся у гор, стоявшим молча, грозной непробиваемой стеной.

— Неразумные кизилбаши, все еще гоняетесь за мной?— Кобланды поднял Тай бурыла на дыбы.

— Ну, что ж, выходи, кто храбр, на поединок! Навстречу ему, не торопясь, выехал хан Шошай.

— Кобландыбатыр, я пришел за твоей жизнью!— заговорил он тяжелым голосом.— И тебе не уйти от моего меча. Я выжгу твои джайляу огнем, а твою душу — болью! Мне мало твоей лишь смерти, она не принесет мне утешения! Собери свое войско, посчитай свои силы и заявляйся сюда через три дня. Тогда перед всем народом и сниму я твою голову с плеч, покатится она, как шар, по земле перед всем народом!

Кобланды огрел коня камчой, проскакал на расстояние полета стрелы и бросил долгий боевой клич. От могучего крика задрожала земля и эхо отозвалось в горах; он полетел вдаль, вплетая в себя отголосок шестидесяти шести холмов и, вбирая в себя эхо, родившееся в семидесяти семи курганах. Притихли кизилбаши, стоявшие темной грозной стеной, услышав этот громоподобный клич.

От этого крика вскочила со своей постели Карлыга, одиноко спавшая в белом шатре, разбитом в тесном ущелье Караспана. Выбежала наружу, увидела густую пыль, закрывшую синь неба, и поняла, что на кипчаков напал враг. Клич Кобланды еще катился над холмами, когда Карлыга верхом на знаменитом сивом Тарлане остановилась недалеко от Кобланды. Она не стала подъезжать к нему близко.

Необычайный крик, вернее, разноголосье, в котором, впрочем, легко было выделить голос Кобланды, донесся до Карамана, когда он находился не в ауле, а в степи. Батыр тут же бросил седло на спину Кокбести, взял в руки копье, дал знать своему войску. Дни и ночи не сходил батыр с коня, боясь опоздать к началу боя, прошел немалый путь, прежде чем остановил Кокбести рядом с Тайбурылом.

Серел рассвет, когда Карлыгаш в чапане, наброшенном на плечи, вышла из юрты и услышала далекий крик брата, не крик, а зов. Карлыгаш, задыхаясь, вбежала в юрту и стала тормозить спящего Орака.

— Я слышала голос брата!—торопливо сообщила она мужу.— В его голосе я распознала боль и отчаяние! Это не человеческий голос, это напоминает крик израненного зверя! Вставай, торопись, мой батыр! Поддержи его, помоги, чем можешь!

Карлыгаш привела и быстро оседлала поджарого рыжего скакуна. И на третий день длинный, с узким туловищем скакун домчал Орака в земли кипчаков. К вечеру третьего дня Кобланды увидел стремительно приближавшегося к нему батыра Орака.

Услышал голос отца и Бокенбай, находившийся в косе табунщиков. Он увидел клубы пыли, затянувшие весь горизонт, и погнал саврасого жеребца в сторону аула. За ним устремился и многоопытный батыр Естемис. Теперь все были в сборе. Больше Кобланды никого и не ждал. Батыры проверили и привели в порядок свое оружие, и Кобланды выехал на нетерпеливо грызущем удила Тайбурыле на середину поля, выбранного для боя.

— На поединок!—крикнул он кизилбашам, наливаясь гневом.— Выходи, кто смел!

Какой воин, заслышав эти будоражащие кровь слова, сможет обуздать свое честолюбие? Хан Шошай тоже слыл честолюбивым человеком, привык всегда быть первым. Он вышел в середину, и на остриях копий обоих батыров заиграли лучи утреннего солнца. Батыры сходились, приглядываясь друг к другу, когда случилось никем не предвиденное.

Карлыга, которая все эти три дня не проронила ни слова, хлестнула Тарлана несколько раз камчой и стрелой подлетела к соперникам. Видно, ей вспомнилось все пережитое за десять долгих лет одиночества, и ожесточившееся сердце не выдержало, бросило ее на отчаянный и невысказанный поступок.

— Я оплачиваю за зло, но нет во мне злобы! Воздаю за обиду, но нет у меня чувства мести! Возвращаю — и полно!—Сказав это, Карлыга глубоко вонзила копьё в бок Кобланды.— Ты посчитал меня за женщину, которую можно унижить, так знай же, что ты просчитался! Она рывком вытащила копьё, и Кобланды, не ожидавший ее удара, рухнул всей тяжестью на землю. Лавиной бросились на раненого батыра кизилбаши и в мгновение ока связали его.

Карлыга, сделав свое дело, не стала задерживаться, пустила коня крупной рысью, направилась к своему шатру.

Кизилбаши воспряли духом. Они решили теперь поймать Тайбурыла, оставшегося без хозяина, стали окружать его со всех сторон. Видя, что ему не вырваться из круга, сивочалый метнулся вверх и перелетел через головы преследователей.

Караманбатыр ахнул, ударил кулаком себя по бедру, увидев, что Тайбурыл скачет без седока.

— Угодил в беду мой незабвенный Кобланды!—вскричал он в отчаянии.— Жизни своей не пожалею, но вытащу тебя из вражьих рук! Недолго думая, он ринулся к кизилбашам, праздновавшим победу. В тот же миг набросились на многочисленного врага Орак, Бокенбай и Естемис.

Один принялся орудовать копьем — враги попадали наземь по пять, по десять человек. Другой пошел махать палицей — вражьи головы покатались, словно дыни. Третий заиграл булатной саблей, высекая кней смерти. А старый многоопытный Естемис направил крутогривого гнедого напролом на врага, сметая с седла всех, кто попадался ему на пути, ударами березового курука. С закатанными до локтя рукавами, подоткнув полы чапана за пояс, он терзал кизилбашей, точно волк, расправляющийся с овцами. Его зычные оглушительные крики, которыми он сопровождал свои удары, оглушали, сеяли смутный страх среди неприятеля.

Первым к Кобланды, рассекая плотные ряды кизилбашей, пробился его сын Бокенбай и несколькими могучими ударами разметал врагов, облепивших раненого батыра.

Естемис, шедший следом за Бокенбаем, увидел, что Кобланды истекает кровью, повернул гнедого и поскакал в сторону аула. Корткаслу по белому платку, которым Естемис повязал себе голову, издали узнала старого табунщика и взволнованно забегала возле юрты. Естемис, еще не подъезжая, закричал:

— Корткаслу, милая, ты только не теряй голову! Рана батыра не опасная, но ему срочно нужно дать белое медвежье снадобье. Бери его с собой и немедля скачи к мужу, иначе он может умереть от потери крови. Корткаслу, душа моя, садись побыстрее на коня! А я доставлю туда юрту.

Кобланды нельзя трогать, ему может стать хуже. Мы поставим юрту прямо над ним.

Отправив Корткаслу на поле брани, Естемис распорядился слугам разобрать юрту, навьючить ее на двух верблюдов, после чего и сам направился к подножью гор.

Корткаслу скатилась с коня, доскакав до мужа, лежащего в луже крови. Поднялась на ноги и снова растянулась на земле. Ползком, опираясь на руки, добралась она до мужа и влила ему в рот кислого молока. Спустя некоторое время Кобланды открыл глаза и стал глядеть на сына, который истово, беспощадно бился с кизилбашами, остался, видимо, доволен им, подобие улыбки появилось на его лице. Потом батыр велел позвать сына к себе. Дорогой мой Бокенбай, опора моя!—сказал он, обращаясь к сыну.— Благодаренье создателю, который дал мне такого сына! Я глядел, как ты рубился с врагами, и остался доволен. Не комунибудь другому, а тебе удалось первым прорваться ко мне, освободить отца из вражских рук. Хан Шошай решил осуществить свой коварный замысел и напал на нас, подготовившись исподволь. Так делает бросок серый волк, поднаторевший на разбоях... Если ты считаешь себя моим сыном, то не появляйся передо мной, прежде чем не вонзишь ему в бок стальное острие копья. Иди, сынок, отомсти ему за меня!

— Хорошо, отец!—ответил Бокенбай, порываясь встать. — Мне до самой смерти не смыть с себя черной славы,— продолжал Кобланды.— Повержен я не ханом и не батыром, а женщиной! Девушка сокрушила меня, выбрав подходящий момент, и я лежу, словно обессиленный верблюд. Что поделаешь, видно, такая мне выпала судьба! Горько, когда враждебность проявляется в человеке, от которого этого не ждешь. Ну, иди, дай всевышний тебе удачу!..

Бокенбай понимал, что отец страдает не столько от раны, сколько от обиды. Его жгло уязвленное самолюбие. Юный воин повернул саврасого жеребца и помчался вдогонку за кизилбашами, дрогнувшими от натиска казахских батыров и отступавшими в беспорядке.

— Стой, Шошай!—прокричал Бокенбай, летя на саврасом.— Не убегай, хан Шошай! Тебе известно, что мужество проверяется в бою. Возьми мою жизнь, но удовлетвори мое желание! На поединок! Слова Бокенбая заставили хана придержать коня. Он пригляделся к своему

преследователю и успокоился, убедившись, что за ним мчится всего на всего четырнадцатилетний мальчишка.

Боевые кони, сойдясь в одном месте, поднялись на дыбы и, будто сцепившиеся волкодавы, обменялись гулкими ударами передних копыт. С лязгом схлестнулись сабли, но ни Бокенбая, ни Шошая не коснулись острые лезвия. Воины разминулись и снова сошлись, теперь уже в их руках были копыя. Орак и Караман расстегнули боевые пояса и, закинув их по обычаю себе на шею, молились за победу мальчика.

Солнце перевалило на западную половину неба. Широкий простор побелел от пыли, осевшей на него за время схватки двух воинов. В какойто миг послышался оглушительный грохот, и люди увидели, как изза тучи пыли выбежал конь Шошая. Седока на нем не было. Кизилбаши отозвались стоном, понимая, что теперь у них нет никакой надежды на победу. Бокенбай, разгоряченный единоборством, прискакал к Ораку и Караману. — Второпях я не спросил о ране отца, не знаю, опасная она или легкая,— проговорил он, волнуясь и с трудом удерживая саврасого на месте.— Я убил Шошая, возместил ему за зло, как того желал отец! Теперь хочу навестить отца, узнать о его состоянии. А вы поведите воинов на кизилбашей, добейте их, пусть забудут дорогу в наши степи!

Бокенбай ударил пятками коня и поскакал к юрте, которую успели собрать в том самом месте, где упал раненый Кобланды. Кобланды ворочался в юрте, полный негодования и огорчения. Он никого не хотел видеть и рядом с собой оставил лишь жену. От злости, обуревавшей его, он скрежетал зубами и желваки ходили по скулам, словно разгулявшиеся морские волны.

Услышав приближающийся топот копыт, Корткаслу выбежала наружу, чтобы задержать возможного посетителя за дверьми. Бокенбай был уже у юрты, и Кортка-сулу, стараясь предупредить сына, подала ему знак рукой. — Остановись, сынок!—сказала она ему.— По твоему вдохновенному лицу я вижу, что ты отомстил хану Шошаю. Но сейчас тебе нельзя входить к отцу. Он вконец раздосадован тем, что не в силах сесть на Тайбурыла и не в состоянии взять в руки копые. Ничего не хочет слушать, никого не желает видеть. Переживает, что познал поражение не от хана, и не от батыра, а от какойто девушки. Будет лучше, если ты не станешь сейчас заходить к нему.

Бокенбай спешился и, волоча за собой длинный чембур, подошел к матери, опустился перед ней на колени.

Хорошо, апа, я не покажусь ему на глаза. Скажите мне только одно: какова рана? Поднимается он на ноги?

Ну, что ты, сынок! Не пугайся! Он страдает вовсе не от боли, а от душевной раны! Рану я промыла настоями трав, посыпала белым снадобьем и туго перевязала. Она затянется быстро. Не тревожься понапрасну, сынок!

Впрочем, тебе и дано поднять его на ноги. — Каким образом?—воскликнул Бокенбай.

— Ты сможешь управиться с Тайбурылом?

— Отчего же не управиться?

А сможешь ты прицепить к поясу его булатный меч, если я незаметно вынесу его тебе? Ты знаешь, что меч отца длиной в пять сажений?

— А отчего же мне его не прицепить?

Тогда собирайся в дорогу,— сказала Корткаслу сыну.— Постарайся привести сюда Карлыгу, ту самую, которая ударила твоего отца копьем, когда он один находился среди врагов. Только и всего?—Бокенбай вскочил на ноги.— Да я примну ей ребра и притащу волоком, как поступают с козлиной тушей на кокпаре!

Не торопись, Бокенбай!—остановила его мать со странной улыбкой на лице.— Карлыга вовсе не такая злодейка, как ты полагаешь. Мне понятен ее поступок. Она была отвергнута твоим отцом и не совладала с обидой. Огонь застлал ее глаза, как говорят в народе, у нее сердце не стерпело. Ты не должен поступать так же опрометчиво, как поступила она. Тебя должен вести разум. Но еще бы лучше тебе, Бокенбай, знать о том, что Карлыга — та самая живая душа, которой тебе следует воздать по заслугам. В самые тяжелые для твоего отца времена она протянула ему руку помощи, не пожалела сил, чтобы вызволить его из беды. Пусть кипчаки предали забвению ее воинские заслуги, но я не в силах забыть ее участия в судьбе твоего отца. Поэтому я прошу, чтобы ты не принуждал ее, а сделал так, чтобы Карлыга по своей доброй воле приехала бы к нам. Ты понял меня, сынок?

Хорошо, апа! Я запомнил твои слова. Лишь бы она воздержалась от дурного поступка, а уж с моей стороны не будет проявлена глупость,— пообещал Бокенбай матери.— Я передам ей твои пожелания. Тогда я тут же соберу тебя в дорогу.— Корткаслу вошла в дом и спустя некоторое время вынесла буланый меч длиной в пять сажений. Потом подвела к сыну сивочалого тулпара. Чувствуя на себе придирчивый взгляд матери, Бокенбай одним махом взлетел на коня,— могучая спина скакуна на миг прогнулась и выпрямилась. Взгляд Корткаслу потеплел. Бокенбай едва заметно улыбнулся и, свесившись с седла, подхватил с земли каменную глыбу величиной с детскую колыбель и положил впереди себя на холку коня. Сделал он это, чтобы доставить удовольствие матери. Корткаслу довольно улыбнулась.

— Ну, что ж, сынок, ты убедил меня,— заметила она.— В добрый путь! Бокенбай рванул напрямик в сторону Караспана.

Карлыга сама не своя ездила на Тарлане недалеко от шатра взад и вперед, когда в ущелье въехал Бокенбай. Она услышала знакомый грохот копыт и ее мгновенно охватил какой-то беспричинный панический страх. Даже не разбираясь в том, кто едет, Карлыга бросилась в горы, изо всех сил стегая коня камчой.

Не убегай, Карлыга, не убегай!— закричал ей вслед Бокенбай.— Подожди меня!

Карлыгу задели за живое слова Бокенбая. Резко дернув за узду, она повернула коня и понеслась навстречу преследователю.

- Хорошо, я не убегаю!—откликнулась она в ответ Бокенбаю.— Но и ты поберегись, несчастный мальчик!

Ах, сестрица, чего мне беречься вас? Я всегонавсего передам вам наказ моей матери.

— От Корткаслу?— Карлыга напряглась. И никакой черной мысли у меня нет,— продолжал Бокенбай, понемногу приближаясь к ней.— На вас я никогда не подниму руку. На ресницах девушки блеснули слезы. Давно она не слышала от людей теплых слов.

Милый мой Бокенбай!—промолвила Карлыга дрогнувшим голосом.— Удели хоть ты мне немного внимания! Ты еще мал, не знаешь меня, а я — среди тех взрослых, окружающих тебя в этом мире, которые готовы пожертвовать ради тебя своей жизнью! У меня одна лишь просьба к тебе, Бокенбай! Устрой мне встречу со своим отцом, мне нужно объясниться с ним. Ради него моя головушка билась о камни, билась о стены, прошла через все муки земные... Не откажи мне, сынок!

Да я и сам пришел просить вас о том же, сестрица!— воскликнул Бокенбай заметно повеселевшим голосом.— Мама послала меня с тем, чтобы я пригласил вас.

Бокенбай не стал дальше тянуть, повернул коня в сторону аула. Он ни разу не оглянулся на Карлыгу, следовавшую за ним по пятам, ни разу не остановился и доехал до юрты отца с вечерними сумерками, когда люди уже укладывались спать.

Корткаслу чутко прислушивалась к звукам, доносящимся снаружи, и нетерпеливо ждала возвращения сына, размышляя над тем, чем закончится его поездка к Карлыге. Услышав топот копыт обоих скакунов, она поспешила выйти из юрты и увидела, что едут на самом деле двое, и это были Бокенбай и Карлыга. Корткаслу охватила дрожь, она вошла в дом и негромко сказала мужу:

— Батыр, сын привел Карлыгу. Ей войти?

— Пусть войдет.— В глазах Кобланды мелькнула жизнь.

Корткаслу вышла из юрты, помогла спешиться Карлыге и, держа ее под руку, ввела в дом. За женщинами, чуть не снеся плечами двери, вошел и Бокенбай.

Кобланды подозвал к себе и поцеловал его в лоб. Одобрительно похлопал его по спине. Затем дал Бокенбаю знать, что он свободен и может идти.

Карлыга глядела на батыра, распластавшегося в постели, не отрывая глаз. Она то краснела, то бледнела, но стояла, не шелохнувшись, и казалось, что стоит не живой человек, а каменная статуя. Разве что поднималась и

опускалась высокая девичья грудь, и было видно, что она тяжело, прерывисто дышит. В уголках больших черных глаз ее искрился голубоватый отсвет, то ли светилась надежда, то ли еще не затух огонь обиды. Корткаслу подождала, пока выйдет сын, потом подошла к Карлыге, подвела ее к постели Кобланды с левой стороны и заставила девушку присесть. Потом молча взяла руки Карлыги и Кобланды, соединила в рукопожатьи. Кобланды тихо улыбнулся слезинкам, упавшим с ресниц Карлыги ему на запястье. Приподнял голову, посмотрел в глаза Корткаслу. Смотрел долго, словно бы мысленно беседуя с женой, советуясь с ней. И когда она сдержанно, видно, давно была готова к такому обороту своей семейной жизни, когда Корткаслу, не выражая особых эмоций, кивнула ему, Кобланды наконец разомкнул уста.

Милая Корткаслу, о чем мы с тобой только думали до сих пор?— улыбнулся он.— Помоему, такая красавица, как Карлыга, должна быть вместе с нами.

Карлыга заплакала от счастья.

Казахские воины, предводимые Караманом и Ораком, разошлись вовсю и бились с кизилбашами, не жалея сил. Особенно яростно сражался Естемис-батыр, который примчался после того, как поставил юрту над Кобланды. У него, многоопытного воина и табунщика, поднаторевшего в бесчисленных схватках с лихими людьми, которыми во все времена славилась степь, была своя хватка, своя особенная манера вести бой. Враг не выдержал, бросился врассыпную, и, лишь отбросив его далеко от Караспана, три батыра смогли встретиться.

Естемис только теперь вспомнил о той новости, которую привез с собой, хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ох, память у меня дырявая!— виновато рассмеявшись, воскликнул он.— Приехал ведь с намерением сообщить вам новость, а позабыл вчистую! Новость же такая: Бокенбай привел было Карлыгу к отцу, а тот решил перевести девушку к себе.

Караман недовольно нахмурился.

— Родись Бокенбай от меня, даже тогда считал бы его сыном Кобланды,— сказал он.— Сына Кобланды я принимаю как своего родного. Как понять поступок Кобланды? Почему не отослал ко мне своего сына вместе с его добычей? Разве я, Караман-батыр, не в силах созвать народ и устроить пир, на котором сам соединил бы руки своих друзей?—Он вздохнул и огорченно махнул рукой.— Я бы сперва дал им возможность поговорить начистоту, пусть облегчили бы себе душу, а потом уже объявил бы о женитьбе. Езжай, Естемис, передай Кобланды мои слова. Ладно, Караман!—откликнулся Естемис, готовый сорваться с места.— Ты сказал— я передам. Твой сверстник из тех, кто ценит умные слова.— Мы будем ждать здесь,— Караман переглянулся с Ораком.

Услышав, как отнесся к его решению Караман, Кобланды снова пригласил к себе сына.

— Сынок, Караман, оказывается, рассердился на меня,— сказал он Бокенбаю.— Он относится к тебе, как к родному сыну. Теперь и Карлыга доводится тебе матерью. Так вот, отвези свою мать к Караману. И как можно скорее. Похоже, что я дал маху.

Бокенбай и Карлыга выехали на ранней заре. Было уже позднее утро, когда они подъехали к холму, на котором их ждали Караман и Орак. Оба батыра, опершись о копыта, дремали, сидя на конях, похоже, они так и не сходили с них, ожидая ответа Кобланды. Смертельная усталость гнула им плечи, но они не позволили себе даже кратковременного отдыха, обиженные решением Кобланды, который решил жениться в то время, когда батыры еще сражались с кизилбашами и опасность не миновала.

Батыры проснулись от топота копыт. Это приближались Бокенбай и Карлыга.

Спустя некоторое время все четверо двинулись в аул батыра Карамана, к киятам. Как только Караман достиг своих владений, он распорядился выбрать в табунах шестьдесят молодых кобылиц, зарезать их к предстоящим торжествам. В гости он пригласил ни много ни мало— шестьдесят казахских родов.

Столько народу еще не собиралось на берегах озера Узунколь, казалось,— это бушует море. Гостей Караман принимал в белых юртах,

воздвигнутых по всему побережью. Особенно пышно выглядела белоснежная юрта в сто восемьдесят унин, в которой кожаные завязи, скрепляющие клетки кереге, украшали нарядные монетки, а верхняя, обкладочная кошма юрты, называемая узиком, была сплошь покрыта позолотой. Юрта стояла на зеленой лужайке с нетронутыми, несмятыми травами. Внутри дом был убран драгоценными камнями, и в нем все горело, искрясь и переливаясь.

В этом сказочно богатом доме и остановились Кобланды и Карлыга. Пир удался на славу.

После того, как торжества закончились, Караман, Кобланды и Карлыга собрались в большой хозяйской юрте. Караман поочередно взглянул на своих боевых товарищей и, откашлявшись, первым начал беседу. — Кобланды, Карлыга!—он назвал их по именам, показывая этим самым важность предстоящего разговора.— Вы относились друг к другу с нежным сочувствием, вы жили взаимным влечением, и сегодня наконец я соединил вас и выполнил свой долг. А пригласил вас в эту юрту с тем, чтобы напомнить одну житейскую истину, которая гласит: «Раз вы стали мужем и женой, пусть в вашем доме царствует согласие. А для этого следует выговориться, ничего на утаивая в душе. Чувствуешь ли ты, Карлыга, за собой вину перед Кобланды? Не помнит ли твое сердце, Кобланды, какую обиду на Карлыгу?»

Карлыга подняла покрывало, скрывающее ее лицо, и взглянула на Карамана.

— Я скажу первая,— проговорила она, и глаза ее повлажнели.— Я глубоко благодарна тебе, Караман. Сама давно жаждала откровенного разговора, да только не выпадал удобный случай. Кобланды, выслушай меня внимательно!—обратилась она к мужу.— Возможно, будут сказаны неприятные для тебя слова, но ты, надеюсь, поймешь мою правоту.

Кобланды согласно кивнул ей.

— Я пошла за тобой не потому, что меня прельстило твое богатство или ослепило мужество. Меня покорило твое благородное сердце и доблесть защитника народа. Я распознала твои душевные качества, и мной овладело желание связать свою судьбу с твоей...

Голос Карлыги задрожал, она осеклась.

— Продолжай, Карлыга!—мягко отозвался Кобланды.— Я весь внимание.

— Тогда я и пожертвовала всем, что у меня было: родиной, близкими, своим положением. Не так то легко было оставить родное гнездо, отвергнуть отцовскую любовь. И что же вышло, Кобланды? Ради чего, получилось, я пошла на все это?

Вспомни день, когда хан Кобикти пленил и привел вас обоих в город! Разве ты тогда не увидел боль в моих глазах, Кобланды?

Вспомни дни, когда ты испытывал адские муки в каменной темнице и молил всевышнего о смерти! Разве я тогда не доказала тебе свою преданность, Кобланды?

Кобланды молча кивнул ей.

— Вспомни, о чем меня молил Караман, когда ты, сникший вконец, лежал, око, ванный по рукам и ногам и горько вздыхал, кляня судьбу? Может быть, я слукавила, говорю неправду?

Караман неловко задвигался, посмотрел в сторону и буркнул:

— Все верно, Карлыга! Ни слова неправды.

— Вспомни, как я повелела привести из табуна Тайбурыла и наложить ему на бедро скрутень из аркана, чтобы он закричал от боли?—продолжала Карлыга. Ты не выдержал его страдания и выскочил из темницы, разнеся ее в камни. Кто тогда белым лебедем последовал за тобой, взлетевшим, словно сокол, на волю?

— Ты, ты это была, Карлыга.

— Вспомни тогда, как за нами грозной тучей устремился в погоню мой отец Кобикти? Смерть уже дышала нам в лицо, и если бы тебе не удалось сразить его первым, нас не было бы в живых? Вспомни, как тебе удалось взять верх над ним? Ответь мне, Кобланды, ради кого я пошла на такой жестокий поступок?

— Продолжай, Карлыга.

Кто постоянно твердил: «Что мне этот странный мир! В одиночестве скитаюсь я по земле!» Да, ты был одинок, и я всей душой стремилась к тебе, старалась приободрить тебя, быть с тобой. Но ты не оценил как должно мой чистый порыв. Драгоценный камень оказался под ногами, нежный шелк был распушен... Ты мог не отвечать мне взаимностью, Кобланды, но ты не удосужился одарить меня даже взглядом! Какое же у тебя оказалось бесчувственное сердце! Кобланды сидел, не поднимая головы. Вспомни наконец дни, когда хан Алшагыр поколебал твою гордость, сокрушив горы Караспан, а потом завоевал и всю твою страну? Захромал Тайбурыл, и ты остался один в пустой степи. И на этом отыгрался Караман, сидящий сейчас рядом с нами. Или ты позабыл тот случай? Пайпай, Карлыга!—задвигался Караман, краснея.— Кто старое вспомнит, тому глаз вон!

— Подожди, сверстник, не ради красного словца говорю!—одернула его Карлыга.— Так вот, кто тогда искал тебя и нашел в безлюдной степи? Как ты мог предать забвению человека, который оказался и единственной твоей опорой и единственным твоим утешителем?

Кобланды кивнул головой.

Разве не вместе мы ходили на хана Алшагыра и разили его батыров? Помнишь, когда победа, казалось, была уже близка, и на нас накинута Биршимбай, пошел нас косить своим копьем? Мы не могли противостоять ему, и снова смерть дохнула нам в лицо?

— Да, да!—вставил Караман, дернувшись.— Мы уже прощались с жизнью! Было такое, что ни говори.

Мы с Биршимбаем, толкаясь друг с другом, сосали одну грудь,— продолжала Карлыга.— Ласкаясь, он следовал за мной, куда бы я ни шла, ласкаясь, встречал меня, когда отлучалась. Разве ты забыл, Кобланды, как мой ненаглядный братец погиб из-за меня от руки Карамана? Ты думаешь, я смогу забыть, когда-нибудь его последние слова, обращенные ко мне? Ради кого было все это? Кобланды тяжело вздохнул.— Но ты словно ослеп, когда твой народ вернулся и зажил снова под небом Караспана. Ты посчитал, что достиг своей мечты, когда женился на Корткаслу. Подумал ли ты в те часы о Карлыге, которая осталась одна и бродила среди скал?

Караман покачал головой и цокнул языком. Вспомни, Кобланды, как потом мы встретились в горном ущелье, где стоял мой бедный шатер? Караман собрался жениться на девушке Каникей и позвал на свадьбу тебя с Корткаслу. Меня он обошел стороной, не пригласил. В горячий полдень я выехала тебе навстречу и молила, чтобы, ты почтил вниманием мою обитель. Ты остался глух к моим словам. Кобланды втянул голову в плечи. Он не поднимал глаз от земли.

— Не очень то сладко на душе, когда ты оскорблена и унижена,— продолжала Карлыга излагать свои суровые обвинения Кобланды и Караману.— Свет становится не мил. И ради чего пережила я все эти муки?

Чем я провинилась перед тобой, Кобланды?

— Да, да!— снова вмешался в разговор Караман.— И вправду, в чем вина Карлыги? Не вижу я ее вины.

Карлыга подняла руку, остановила его.

— Хан Шошай пришел в твои степи, чтобы отомстить тебе за все содеянное. Он зажег и во мне огонь мести! Этот огонь заставил меня взять в руки копье, сила этого огня повергла тебя на землю перед твоим врагом Шошаем. Я воздала тебе за твою неблагодарность, которая перешла все границы! Ты понял это, Кобланды?

Батыр молча кивнул жене.

Караман, я призналась в самом начале разговора, что глубоко признательна тебе!—обратилась Карлыга к сыну Сеильды.— Спасибо тебе еще раз, что дал мне возможность выговориться начистоту. Я сейчас испытываю чувство душевного облегчения, камень с души свалился. Спасибо и тебе, Карлыга!—откликнулся Караман.— Твой язык остер, как твоя сабля. А твоя сабля не раз спасала нас в бою. Твой черед, Кобланды!—кивнула Карлыга.— Я готова выслушать тебя, поступай, как знаешь. Я отплатила тебе за все обиды, преподавала, как могла, урок, и у меня больше нет к тебе притязаний. Говори о том, что было, но без единого слова вымысла. Я бы посоветовала тебе, Кобланды, не совершать больше ошибок.

Кобланды, получив слово, выпрямился, взглянул на жену. Ну, что ж, выслушай и ты меня, Карлыга!—начал он свою речь.— Ты точно

изложила свои мысли и ни разу не сбилась, когда говорила. Мне всегда нравилась гибкость твоего ума, но сейчас ты еще раз удивила нас глубиной своих суждений. И все же, Карлыга, ты не упомянула, обошла свои ошибки. Карлыга бросила на Кобланды быстрый взгляд и отвела глаза в сторону. Кизилбаши сложили большую сильную страну!—голос Кобланды прозвучал тверже.— У них всегда были доблестные воины и неприступные города. И гордостью этого народа являлся твой отец — хан Кобикти. И народ ценил его, боготворил его, носил Кобикти на руках. Кем же тебе доводился кипчак Кобланды, что ты ради него убила своего собственного отца? Где ты слышала о том, чтобы враг оказался комунибудь ближе родного отца?

Карлыга опустила на лицо покрывало.

Не скрою, ты была мне ровней. Признал это сразу же. Но кто доверится девушке, которая погубила своего отца? Как бы я полагался на твою верность после того, как ты так сурово, безжалостно обошлась с отцом и единокровным братом? Ты подумала об этом, Карлыга? Карлыга горько заплакала.

Это правда, что ты всей душой тянулась ко мне, продолжал Кобланды мягче.— Ты говоришь, что я не удосужился одарить тебя даже взглядом. Нет, ты постоянно стояла перед моими глазами. Меня влекло к тебе, но смущала твоя беспощадность! Она была, как путы, на моих ногах, и я никак не мог дойти до тебя. И если мы наконец нашли друг друга, то пусть наша жизнь впредь будет освящена самыми благородными человеческими качествами. Ты излила свою душу, я нашел, чем ответить. Не в силах я больше упрекать тебя, милая Карлыга!

Карлыга, рыдая, упала к ногам Кобланды. Караман поднял ее за плечи.— Все это я знаю, Кобланды!—промолвила она сквозь слезы.— Но ведь все это ради тебя! Ради тебя одного!..

Кобланды молча обнял, привлек к себе Карлыгу, поцеловал ее в заплаканные глаза.

Заключительный рассказ

За крытой повозкой, катящейся по степной дороге, стелилась пыль. Внутри позолоченной кибитки сидели Кобланды, Корткаслу и Карлыга.

Спустя три дня после того, как путники выехали из аула батыра Карамана, они достигли озера Коздиколь, синеющего у подножья гор Караспан.

Две белоснежные юрты двух жен Кобланды были поставлены рядом.

Дружная жизнь обитателей юрт, рассказывают, стала примером для степняков многих поколений.

Кобланды стал благодетелем народа. Карлыга родила ему сына Киикбая. Благодаря двум сыновьям — Бокенбаю и Киикбаю—Кобланды обеспечил стране мирную жизнь и навсегда остался в народных легендах.